

ОСОБОЕ ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ

Вячеслав Александрович Сазанакوف родился в Самаре в 1951 году. Окончил культурно-просветительское училище и историко-филологический факультет Оренбургского государственного педагогического института им. В.П. Чкалова. Работал учителем в школе, затем в органах Министерства внутренних дел. Полковник милиции. Занимается историкографией и историческим краеведением. Живёт в Оренбурге.

Оренбургская одиссея Александра Пушкина

Наступивший 1833 год для Пушкина богат на сюрпризы. Они ожидают его на всём протяжении пути четвёртого путешествия, протяжённость которого составляла около 3 000 вёрст. В 1833 году, оставив жену и дочь, жертвуя пребыванием рядом с ними ради новой профессии, он будет отсутствовать в Петербурге три месяца и три дня.

Свой первый путь по извечному жизненному кругу судьба проложила отроку Саше Пушкину из Москвы через Петербург в Царское Село. Он преодолел его совместно с родным дядей В.Л. Пушкиным в 1811 году. Второй путь, вынужденно покинув Петербург, коллежский секретарь Александр Пушкин совершил через Северный Кавказ, Таманский и Крымский полуостров до

Кишинёва в 1820 году с генералом Н.Н. Раевским и членами его семьи. Третий свой путь А.С. Пушкин самостоятельно проложил до Тифлиса. Он преодолел его со старыми и новыми спутниками летом 1829 года. Нарушая запрет императора, выезжал за пределы Российской империи и пребывал в июне-июле военным добровольцем, участвовал в боевых действиях, вместе с победителями входил в поверженную османскую крепость Арзрум.

Четвёртый путь в неведомый и ещё плохо освоенный край юго-востока Российской империи историограф Александр Пушкин наметит в 1832 году. Замысел составления его маршрута имел своё происхождение от изучения архивных документов в Петербурге. В 1833 году этот путь из Петербурга через Казань и Симбирск в Оренбург, с обратным возвращением домой через Уральск и Болдино, он проведёт по тряским и пыльным дорогам западной окраины Великой Степи. С высокого и крутого обрыва, ниспадающего к узкой береговой полосе реки Урал, 19 сентября столичный чиновник Александр Пушкин будет рассматривать пронзительную даль, уходящую вправо от земной точки восхода Солнца. В прошлом, 13 лет тому назад, 7 сентября 1820 года с берега мыса Фиолент он также вглядывался в морскую даль, в воды которой каждый вечер заходит Солнце. Тогда он внезапно для себя обнаружил, что начал думать и говорить стихами.

Возвращение из Оренбурга и Уральска через Москву в Петербург в окончании четвёртого путешествия обяжет А.С. Пушкина пройти незримый круг предстоящих испытаний. Его протяжённость пройдёт от января 1834 до января 1837 года. Маршрут самого протяжённого путешествия 1833 года начнётся и замкнётся в Петербурге. Столичный маршрут трёх январей в биографии А.С. Пушкина замкнёт четвёртый январь 1837 года. Ветви быстролетящих лет от 1833 до 1837 года сплетут ему французский терновый венец, в котором он вынужденно отправится на Чёрную речку.

В первой половине XIX века Российской империей управляли лица иностранного происхождения в первом и втором поколении. Царскую династию составляли представители только немецкого происхождения. Смена духовного католичества на православное христианство, проводимая невестами-иностранками, выходящими замуж за немецкий род цесаревичей русского престола, осуществлялась условно. Жёны царей, за исключением Марии Фёдоровны, жены Павла I, сохраняли в себе поклонение идеям и установкам римских понтификов. Их презрение к русскому народу использовалось в порядке основы проталкивания русофобского настроения среди новых дворян в городах и провинциях Российской империи.

Поэт и историограф А.С. Пушкин, проводя изучение и анализ истории Русского Отечества после сочинения драмы «Борис Годунов», с 1832 на 1833 год подготовил себя к написанию монографии, способной сорвать искусное покрывало лжи и клеветы на историю Русского государства. Вступление к этому труду историографа он задумал провести на основе литературного произведения, основанного на архивных материалах, обнаруженных им в 1832 году. Для этого поворота существовала материально-бытовая причина.

В Российской империи с 1820 по 1837 год Александр Пушкин был самым духовно богатым человеком и одним из самых бедных дворян. До 1831 года, в возрасте 32 лет от рождения, он не имел в собственности ни одного бытового предмета, за исключением дорожных сундуков. Всё, что он имел, было надето на нём самом. Иное отсутствовало. Бытовая жизнь самого известного в России литератора доходила до такой степени, что не родственники и не он сам, а друзья и почитатели его таланта дарили и покупали ему самое необходимое. Сабля от Паскевича была исключением. Друзья и их родственники делили с ним свой кров и пищу, отдавали ему своих коней и кареты, передавали ему своё имущество, а иногда и деньги.

В 1832 году немногочисленные друзья Александра Сергеевича продолжают оставаться

в роли его ангелов-хранителей. Бывший директор Лицея Царского Села Егор Антонович Энгельгардт отправил письмо капитан-лейтенанту Фёдору Фёдоровичу Матюшкину, он известил командира брига «Ахиллес» о традиционной встрече первых выпускников 19 октября 1832 года. Их сбор состоялся на квартире брата сокурсника А.Д. Илличевского. Круг однокурсников выпуска 1817 года на этот раз значительно сузился. На праздновании 21-й годовщины Лицея, по воспоминаниям Е.А. Энгельгардта, присутствовали «Корф, Комовский, Корнилов, Пушкин, Яковлев, Илличевский, Данзас. <...> Поминали старину, поминали отсутствующих, умерших». Отсутствовал на встрече выпускников Иван Пущин. Он отбывал наказание на каторге в Сибири. Отсутствовал Вильгельм Кюхельбекер. Активист попытки государственного переворота 1825 года находился в арестантской роте в Свеаборге. Капитан-лейтенант Ф.Ф. Матюшкин, будущий адмирал Русского флота, находился в этот период в боевом походе за пределами своего Отечества. Отсутствовал Антон Дельвиг. Он умер в январе 1831 года.

За год до смерти барона А.А. Дельвига ведущие литераторы Петербурга и Москвы поддержали инициативу А.С. Пушкина по изданию «Литературной газеты». Дело редактора было поручено поэту А.А. Дельвигу. Первый номер газеты вышел 1 января 1830

года. По неотложным причинам Антон Дельви́г после выпуска двух номеров газеты вынужденно выехал из Петербурга в Москву. В связи с его отсутствием содержание «Литературной газеты» с 3 по 12 номер редактировал инициатор периодического издания Александр Пушкин. Он разместил на страницах «Литературной газеты» отрывки из глав романа «Евгений Онегин», начатого, но незавершённого исторического романа «Арап Петра Великого» и главы из «Путешествия в Арзрум». Из тридцати статей, подготовленных к печати, А.С. Пушкин опубликовал в газете только двадцать.

После возвращения из Москвы Дельви́г приступил к обязанностям редактора. На страницах «Литературной газеты» помещались переводы произведений Э.Т.А. Гофмана, В. Гюго, В. Скотта, Л. Тика. В отделе прозы впервые обозначился Н.В. Гоголь. Отдел страниц, представленных поэтам, заполняли сочинения Е. Баратынского, П. Вяземского, Ф. Глинки, А. Дельвига, А. Кольцова. Под анонимными именами в газете печатались сочинения А.А. Бестужева и В.К. Кюхельбекера. А.А. Дельви́г принял в редакцию газеты своим заместителем О.М. Сомова. Этот человек до работы в «Литературной газете» был помощником Булгарина и Греча. Его приход к Дельви́гу совпал с полемическими столкновениями редакционной коллегии «Литературной газеты» с редактором

газеты «Северная пчела» Ф. Булгариним. В итоге всё закончилось сменой редактора «Литературной газеты». Основной её причиной стал отчёт агента в ведомство тайной полиции фон Фока. Донос содержал информацию о размещении в газете сочинений осуждённых и лишённых свободы в 1826 году поэтов Бестужева и Кюхельбекера.

Эпатаж с названием газеты «Северная пчела» Ф. Булгарина более всего схож с агентурным псевдонимом двойного агента. К этому выводу подвигают факты околелитературных событий, происходивших в конце 1830 года. Содержание публикаций, которые помещал редактор А. Дельви́г, попало под строжайший контроль цензуры. Официальная информация от цензоров и агентурных доносов была доставлена на стол шефа Третьего отделения жандармов из кабинета начальника тайной полиции. Проницательный аналитик А.С. Пушкин скоро расшифровал имя доносчика. В его памфлетах и эпиграммах, в которых он обозначал имя и образ популярного сыщика Парижа Видока, современниками легко узнавался Ф. Булгарин. С этого периода стало понятно и то, что доклады агента, попадающие к шефу жандармов, непременно поступают лично к императору Николаю I. От этой информационной связки ожидать чего-либо положительного литераторам не приходилось. Непримируемое столкновение с редактором «Северной пчелы»

стало развиваться не в пользу сторонников Русской Литературы и редакции «Литературной газеты». Оно приобрело не разовый, а постоянный характер. Чрезмерно затянувшееся сватовство к Гончаровым, непримиримая вражда с Ф. Булгариным, смерть друга Антона Дельвига, долгое и неприятное ожидание устройства на государственную службу, обещанную императором, отразились на состоянии здоровья Александра Пушкина.

Ещё в Москве в 1830 году, а затем в Петербурге с 1831 года Александр Сергеевич начал страдать от прежней ревматической боли в правой ноге. Осенью боль усилилась. В это время он работал над сочинением романа «Дубровский». Его сюжет был подсказан П.В. Нащокиным. К написанию романа Пушкин приступил «21 октября 1832 года». Во второй половине ноября текст сочинения почти готов к изданию. Из Петербурга 2 декабря 1832 года в Москву Александр Пушкин сообщил Павлу Нащокину: *«Я написал его в две недели, но остановился по причине жестокого ревматизма, от которого протрадал другие две недели, так что не брался за перо и не мог связать две мысли в голове»*. Болезнь приостановила работу над окончанием «Дубровского». Кроме этого, была и вторая причина. Про неё знал только издатель и поэт П.А. Плетнёв. О ней он сообщил в письме 8 декабря поэту В.А. Жуковскому:

«Пушкин больше роется теперь по своему главному труду, то есть по истории, да, кажется, в его голове и роман колышется».

После того как боль после лечения утихла, А.С. Пушкин, по сведению П.В. Анненкова, в зиму 1832 года отправлялся «каждый день в разные ведомства, представленные ему для исследований. Он предался новой работе своей с жаром, почти со страстью». Этот год ознаменован ещё одним знаменательным событием. А.С. Пушкин избран членом Российской академии русской словесности. Несмотря на полную занятость литературным трудом и началом исследовательской работы по истории Петра I, он продолжал коротать свободное время за игрой в карты. Желание заполучить выигрыш оказалось сильнее трезвого рассудка. Этому была и объективная причина. Муж исполнял обязанности, данные невесте перед её замужеством.

С 1832 на 1833 год в доме Александра и Натальи Пушкиных проходили праздники изобилия. Они случались после удачной игры в карты и получения гонорара за очередное творческое издание. Воспоминания о тех мгновениях от Н.Н. Пушкиной с её слов записала А.П. Арапова. Когда муж выигрывал в карты или получал гонорар, «мгновенно являлось в доме изобилие во всём, деньги тратились без удержа и расчёта. <...> Минуты эти были скоротечны и быстро сменялись безденежьем,

когда не только речи быть не могло о какой-нибудь прихоти, но требовалось всё напряжение ума, чтобы извернуться и достать самое необходимое для ежедневного существования».

Наталья Николаевна Пушкина, воспитанная в семье без достатка и изобилия, продолжала оставаться неприхотливой особой. Она не роптала и не заламывала руки в периоды возникающего безденежья, переносила бытовые трудности стоически. Она терпела и переживала не столько за своё положение, сколько за своего мужа. Он был ей надёжной опорой во всём. В столице, получая от него полную поддержку, Наталья Николаевна увлекалась танцами на балах. Эта составная часть светской жизни аристократки была обязательной для замужней дворянки. К тому же иных развлечений в столице она не имела. Наталья Николаевна была молодой и красивой женщиной, обладала роскошными нарядами. Мираж праздника увлёк её и оказался ей не чуждым. Этому в прошлом существовала реальная причина. Ещё в Москве к танцам Наталью, как и её мужа Александра, родители приучали с детства. В Петербурге её увлечение поддерживала родная тётушка.

Упрёки в свой адрес о трате денег на наряды Наталья Николаевна не принимала. Красивыми и богатыми платьями её, как правило, одаривала родная и обожавшая свою племянницу тётушка и фрейлина императрицы Екатерина Ивановна

Загряжская. По воспоминаниям Александры Петровны Араповой, старшей дочери Натальи Николаевны от второго брака с Петром Ланским, тётушка Екатерина Ивановна «гордилась красотой племянницы; <...> старушку тешило, при её значительных средствах, что её племянница могла поспорить изяществом с первыми щеголихами». «Старушке» Екатерине Загряжской было 53 года. Она не была старой. Добрая тётушка всемерно привечала красоту любимой племянницы. Своей женской душой она прекрасно понимала Наталью Пушкину. Обеспечив обожаемую родственницу очередным платьем, она любовалась ею и наслаждалась воспоминаниями о собственной стремительно пролетевшей молодости.

После переезда в Петербург из Царского Села развлечение бальными танцами открыло вторую страницу совместной жизни Александра и Натальи Пушкиных. К тому же, тогда как «на придворных балах Пушкину бывало просто скучно», его жена чувствовала себя на седьмом небе от счастья, блистая своими нарядами и красотой в императорском обществе. Александр Сергеевич хорошо понимал радость своей молодой жены. Она купалась в лучах восхищённых взоров, обращённых на неё и её наряды. На всё происходящее вокруг него муж смотрел и оценивал умом мудреца: *«Петербург мне не подходит ни в каком отношении; ни мои вкусы, ни мои*

средства не могут к нему приспособиться. Но два или три года придётся терпеть».

Тень разочарования от пребывания в аристократической столице его ещё не посетила. Он настроен оптимистично. Но через три года терпение у него стало иссякать. Тому явлению были многие причины.

На родство с обедневшей дворянской фамилией Гончаровых Александр Пушкин, живущий только за счёт своего литературного труда, шёл осознанно. Он верил в провидение своей судьбы и следовал её приметам. Сомнения и тревоги по поводу семейной жизни у него остались в прошлом. Он старался действовать на благо будущего. За длительный период своего сватовства в семью Гончаровых Александр Сергеевич всё передумал и продумал. Глава семьи самостоятельно принял для себя судьбоносное решение. В начале совместной жизни с Натальей Николаевной он окончательно пришёл к выводу о правильности своего жизненного выбора. Александр любил свою мадонну. Со своей стороны Таша любила Сашеньку. По поводу взаимной любви сомнения у мужа отсутствовали. После свадьбы от своего обещания предоставить свободу Наталье Николаевне для её участия в светских развлечениях Александр Сергеевич не отступил. Чем меньше становился круг его товарищей, тем больше он обожал свою *«жёнку»* и тем больше доверял ей. За глаза

Наталью Николаевну знакомые их семьи стали называть «Пушкина-поэтша». Настанет время, когда она подтвердит наименование «поэтша», но не способностью сочинять стихи она проявит себя в семье. Неожиданно в Наталье Николаевне её муж заполучил того человека, в котором он нуждался после 1820 года. В периоды трудностей с книгоизданием произведений мужа она станет ему деловым помощником. Покидая дом на длительный срок, он всегда возвращался к родному очагу, где его ожидала любящая жена.

Обожание любимой жены усилилось после того как, забыв однажды про своего любимого ангела Ташу, Александр Сергеевич на одном из светских раутов вздумал ухаживать за «m-me Крюднер». Обнаружив, что Наталья Николаевна без предупреждения покинула бал, он сразу же отправился следом за ней домой. Здесь его ждал громкий семейный сюрприз. На вопрос мужа: *«Что с тобой? Отчего ты уехала?»* — он получил *«полновесную пощёчину»*. Смачный удар жены для несокрушимого бойца бокса и сабли оказался очередным открытием в собственной семейной жизни. Дон Жуан, у которого после полученного удара из глаз выпорхнули искры, в тот вечер почувствовал, что *«у мадонны рука тяжёленькая»*. Рассказывая друзьям о том событии, он откровенно хохотал над собой в своей громогласной манере. При этом он «радовался тому, что жена его ревнует».

Работая с начала 1832 года с архивными документами, титулярный советник А.С. Пушкин заинтересовался неизвестной историей вооружённого бунта во главе с беглым донским казаком Е.И. Пугачёвым. Изучая события, происходившие шесть десятилетий назад, он задумал подготовить к изданию историческую монографию по этой теме. О своём решении он никого не оповестил. В мае 1833 года у историографа на столе находился рабочий экземпляр труда с названием «История Пугачёва». При подготовке чернового варианта труда его внимание привлёк юго-восточный город-крепость Оренбург. В окрестностях этого города с 1773 на 1774 год в Бердской слободе, расположенной на левом берегу реки Сакмары, действовала военная Коллегия самозванного царя Петра III. Автора монографии заинтересовал масштаб этого исторического события. Любопытство к нему на время перекрыло интерес к истории Петра I. Для исследовательской работы требовались не только единомышленники, но и помощники. О своих размышлениях он поставил в известность генерала А.Х. Бенкендорфа. Будучи флигель-адъютантом у императора Александра I, Александр Христофорович с его разрешения в 1802 году выезжал в разведывательное путешествие на восток Российской империи. Он много времени провёл в Оренбурге и в Соль-Илецке. Ему были

известны государственные тайны Екатерины II. В узкий круг тех столичных персон, кто советом и делом помогал А.С. Пушкину в подготовке исторической монографии в 1833 году, вошёл и генерал А.Х. Бенкендорф. Граф оказался крайне ценным советником и помощником в изыскательском труде историографа. К тому же Александр Христофорович обладал связями с чиновниками, которые могли оказать содействие Александру Сергеевичу в изучении исторических событий. На практике в период его путешествия в Оренбург так и произошло.

Граф Александр Бенкендорф в прошлом был масоном ложи «Соединённые друзья». От оказания помощи, когда его просили, он никогда не отказывался. Александр Пушкин знал о его полной и беспрекословной подчинённости императору Николаю I. Он не знал и не пытался узнать о личном отношении к истории России руководителя III отделения. Пушкин не сомневался в том, что граф Бенкендорф, не ставший православным верующим, оставался приверженцем офицерской чести, солидарности и взаимопомощи. Таковым Александр Бенкендорф был с юности. Он любил Русское Отечество и был ему верен на протяжении всей своей службы Государю и государству. За прошедшие семь лет с сентября 1826 года между А.С. Пушкиным и графом А.Х. Бенкендорфом сложились доверительные отношения.

Николай I в 1832 году обязал генерала Бенкендорфа выплачивать поднадзорному титулярному советнику Пушкину пять тысяч рублей в год. После этого замысловатого решения царя Александр Сергеевич из своего положения не сооружал миража благополучия. Не жил он и в мире иллюзий своего особого приближения к императору. Многим стало известно о том, в какой кассе историограф Пушкин получает денежное содержание. Его отношение к главному стражу внутреннего государственного правового порядка генералу А.Х. Бенкендорфу открыто и откровенно. Дипломатия слов в переписке, отсутствие личных конфликтов между шефом жандармов Российской империи генералом Бенкендорфом и титулярным советником Пушкиным указывает на долголетнее постоянство их взаимопонимания. Оно существовало в крайне сложной обстановке их же личных взаимоотношений с императором Николаем I. Взаимные претензии иногда преодолевались непросто, но всегда имели положительный итог. Генерал Бенкендорф тонко нивелировал личное отношение императора Николая I к титулярному советнику Пушкину. Когда начальник тайной полиции фон Фок пожелал по собственной инициативе преследовать Александра Пушкина, Александр Бенкендорф сразу же вернул его на место по занимаемой им должности.

У Александра Пушкина, оформленного на государственную

службу историографом, положение неординарное. Александр Сергеевич понимает, что от посредника, коим являлся с 1826 года генерал Бенкендорф, очень многое зависит в его судьбе и творчестве. Знал или не знал Пушкин о личной дружбе графа Бенкендорфа с графом Воронцовым, неизвестно. Просматривается главное. Воронцов, в силу своих возможностей, в Одессе с 1823 года по просьбе генерала Инзова оказывал содействие коллежскому секретарю Пушкину. Подобное содействие с января 1829 года на протяжении 8 лет Александру Пушкину оказывал граф Александр Бенкендорф.

После поездки на Кавказ в 1829 году, будучи назначенным на должность государственного чиновника, урезонивая свой непримиримый характер, А.С. Пушкин старался обойти острые углы взаимоотношений с посредником императора. Между А.С. Пушкиным и генералом А.Х. Бенкендорфом обзор их отношений для посторонних отсутствовал. О них не знали даже самые близкие друзья Пушкина. Встречи и разговоры между ними проходили с соблюдением взаимной конфиденциальности. Это подтверждается отсутствием в истории литературы и в воспоминаниях взаимных характеристик. А.С. Пушкин кратко в письме к П.А. Вяземскому сообщил о генерале Бенкендорфе: *«Это честный и достойный человек, слишком беспечный для того, чтобы быть злопамятным, и*

слишком благородный, чтобы стараться повредить тебе». Когда Пушкин попросил графа Бенкендорфа дать ему характеристику, генерал представил ему положительный документ для прочтения его будущей тещей.

Современники того периода высказывались о том, что дворянин-поэт, ставший государственным чиновником, подстроился под зоркое генеральское око императора. Подобные высказывания были с двойным дном. Одни подобострастно подталкивали Пушкина к полному подчинению воле императора, другие настраивали его против Николая I. В этой ситуации генерал Бенкендорф дипломатично и благородно выполнял обязанность посредника между цезарем-цензором и поэтом. Способствовала этому личная дружба А.Х. Бенкендорфа с московским почт-директором А.Я. Булгаковым. Ровные, доверительные и деловые отношения поэта с генералом Бенкендорфом продолжались до 21 ноября 1836 года. Прерваны они были решением, исходящим от императора. Последующую за этим инициативу А.Х. Бенкендорфа о продолжении посредничества с А.С. Пушкиным император Николай I решительно отклонил. Это отклонение для генерала Александра Бенкендорфа не прошло бесследно. Тетради, в которых он вёл свои воспоминания с 1803 года, были переданы императору на

ознакомление. После прочтения мемуаров Николаем I, в ноябре 1837 года он прекратил вести свои записи. Тетради с мемуарами Александр Христофорович распределил по двум портфелям и закрыл их в сейф своего служебного кабинета. Произошло это ровно через год после его последней встречи с Александром Пушкиным в ноябре 1836 года в кабинете Николая I.

Генерал Александр Христофорович Бенкендорф — ветеран Отечественной войны 1812 года и заграничных походов. Его портрет, исполненный Джорджем Доу, расположен в Военной галерее Зимнего дворца. Военные заслуги Александра Христофоровича известны и занесены на страницы военной истории Российской империи. В период военного отражения нашествия союзных войск наполеоновских агрессоров полковник А.Х. Бенкендорф служил в лейб-гвардии Семёновского полка. Он поочередно командовал авангардом и арьергардом летучего отряда, в заграничном походе продолжал командовать различными отрядами, за храбрость в сражениях неоднократно награждался боевыми орденами. Проявление уважения Пушкина к графу Бенкендорфу в первую очередь исходило от боевого опыта и индивидуального характера генерала Российской Армии, обладавшего обширными знаниями.*

*А.Х. Бенкендорф (1782–1844). Все черты характера и содержание его жизни прочитываются между строк написанных им мемуаров. Записи свои начинал в должности флигель-адъютанта Александра I, отправившись по личной инициативе в секретную экспедицию в 1802 году по Западной и Центральной Сибири.

Со стороны А.С. Пушкина к генералу А.Х. Бенкендорфу существовала межличностная аристократическая дипломатия, скрытая от посторонних взоров. За ней утаивалось взаимное уважение. Это состояние служебных отношений главы карательного ведомства Российской империи с поэтом позволяло автору русских литературных шедевров сохранять свободу в творчестве. Александр Пушкин не пользовался бездумно своим положением. В феврале 1832 года, вызывая огонь на себя, в адрес императора он сообщил: *«Подвергаясь один особой, от Вас единственно зависящей цензуре, – я, вопреки права, данного государем, изю всех писателей буду подвержен самой стеснительной цензуре»*.

С момента принудительной ссылки поэта из Петербурга в Кишинёв под предлогом служебной командировки минуло 12 лет. Минувшие годы наполнили его судьбу обширным личным опытом и глубиной познания сути общественной жизни в Российской империи. Пребывая в непосредственном контакте с императором с 1826 года, А.С. Пушкин хорошо понимал суть отношения, проявляемого к нему со стороны царя и его правительства. Сравнивая своё положение с положением римского поэта Овидия, он особой разницы не находил. Его нахождение под

пятой власти императора ничем не отличалось от прошлых историй столкновения самовластного суверена и вольнолюбивого поэта. Выпускник Лицея, прочитавший тысячи повествований о прошлом и настоящем, досконально знавший Ветхий и Новый Завет, не только представлял, но и знал, что в любой момент он может оказаться в тюрьме или на каторге в Сибири, быть отравленным или убитым. Александр Пушкин понимал: если он не подчинится воле царя, то пуля его непременно догонит.*

Испытывая на себе возрастающее давление со стороны Николая I, поэт в первую очередь проявлял дипломатию взаимоотношений со своим посредником. Чувствуя его поддержку в период накала отношений с императором, он упорно сохранял твёрдость избранного творческого направления в литературе и историографии. Александр Сергеевич оставался свободным в своём творчестве и после его назначения на должность титулярного советника. В обстановке творческого созидания творец русской литературы уверенно перешёл из сферы вольнолюбивых стихов в стихию отражения реальных событий, излагаемых в прозе. Этот переход для него не представлял особого труда. Сказывался опыт всех минувших лет. Пушкин свободно общался со столичными аристократами,

*Ссылка, петля и пуля сопровождают в Москве и Петербурге выдающихся русских поэтов России XIX и XX века. Данная инициатива исходит от зарубежных советников.

их слугами, кавалергардами, педагогами и творческими личностями своей эпохи. А.С. Пушкину посчастливилось заполучить в посредники взаимоотношений с императором человека умного и рассудительного. А.Х. Бенкендорф знал биографию своего подопечного поэта. Он ценил его отвагу и итоги творческого труда. Ровные и уважительные взаимоотношения Александра Пушкина с графом Александром Бенкендорфом продолжались на протяжении 10 лет после их первой встречи. Все эти годы ни поэт, ни генерал не были официальными распорядителями своих отношений друг с другом. По содержанию предшествующей жизни и интересам они не нуждались в личном знакомстве. Они принадлежали к различным вероисповеданиям и к различным эпохам. В отношении к поэту у Александра Бенкендорфа иногда проявлялось поведение, свойственное генералу с придуманной фамилией Инзов.

У графа Бенкендорфа была одна неизвестная для его современников особенность. Тайно от родственников и сослуживцев он писал мемуары, в их содержание заносил своё пребывание в царском окружении Павла I, его сыновей Александра I и Николая I. Генерал записывал реальные события, давая им свою характеристику. Мемуары его охватывают события, коим он был свидетелем с 1803 по 1837 год. Служебная карьера Александра Христофоровича Бенкендорфа

начиналась в ранней юности. После обучения и воспитания в пансионе аббата Николая Александр Бенкендорф был назначен флигель-адъютантом к императору Павлу I. В этой же должности, получив рекомендацию от вдовствующей императрицы Марии Фёдоровны, он служил с 1801 года у императора Александра I.

Московский дворянин Александр Пушкин и петербургский дворянин немецкой крови Александр Бенкендорф никогда и нигде до 1826 года не совпадали фамилиями своих предков. До встречи они не дружили и не враждовали. Встреча состоялась по распоряжению Николая I. Весь период своего общения они пребывали в условиях неукоснительного исполнения воли императора. Александр Пушкин подчинялся ей согласно своему дворянскому происхождению и принятой им Присяге. Александр Бенкендорф подчинялся Государю согласно принятой им дворянской и военной Присяге. Психологическое потрясение от своего беспрекословного подчинения императору он испытал в ночь с 26 на 27 августа 1836 года. После второго потрясения, происшедшего с ним 27 января 1836 года, в оставшиеся годы своей жизни он никогда более не испытывал прежнего пиетета к Николаю I.

Дворянин Пушкин иногда склонял голову перед царём до начала 1832 года. С начала 30-х годов XIX века ему довелось стать идейным национальным

лидером русской светской и духовной культуры в Российской империи. С назначением на должность титулярного советника он принял Присягу на верность императору. Его уважение к Николаю I никогда не превышало значения слов принятой им Присяги. С 1826 года приоритет и инициатива взаимоотношений с Пушкиным находились в административном праве генерала Бенкендорфа. В истории их взаимоотношений до конца честным остался только Александр Пушкин. Подтверждением этому служат его слова, с которыми он обращался к генералу А.Х. Бенкендорфу: *«Я по совести исполнил долг историка: изыскивал истину с усердием и излагал её без криводушия, не стараясь льстить ни силе, ни модному образу мыслей».*

Помня об этом обращении, в официальном государственном «Отчёте о деятельности корпуса жандармов за 1837 год» Александр Христофорович Бенкендорф составил и подписал свой вывод: «В начале сего года умер от полученной на поединке раны знаменитый наш стихотворец Пушкин. Пушкин соединил в себе два единых существа; он был великий поэт и великий либерал, ненавистник всякой власти. Осыпанный благодеяниями государя, он, однако же, до самого конца жизни не изменился в своих правилах, а только последние годы стал осторожнее в изъявлении оных». Словами официального отчёта генерал

Бенкендорф выступил перед потомками не посредником, а фактическим и объективным современником А.С. Пушкина. Зная характер главы III отделения, нетрудно прочитать в его отчёте и черты его собственного отношения к чиновничеству, власти и приверженности нравственным устоям. После золотых часов, отпразднованных в Лицей женой Павла I, трофейной сабли дамасской стали, подаренной Паскевичем, Александр Пушкин был отмечен в секретном документе. Генерал А.Х. Бенкендорф вослед убиенному гению в государственный отчёт вписал своё определение: «знаменитый наш стихотворец».

Самые грандиозные памятники Александру Пушкину поставлены в годы его официального забвения. Главную характеристику своего таланта он получил ещё в молодости от своих читателей, разгадавших его гениальное явление народам России. В настоящие дни нет того измерителя, который бы смог представить на обозрение уровень духовного таланта А.С. Пушкина. В его творчестве имеется и материальная составляющая. Поэзия, проза, историография Александра Пушкина привнесли в казну государства неизмеримое число денежных доходов. Столь же неизмеримое число людей получали и продолжают получать рабочие и творческие места в театрах и музеях современной России. Учреждаются премии его имени, переиздаются и продаются книги, ставятся театральные постановки

и т. д. У основного предназначения А.С. Пушкина имеется и третья сторона. Она представляет зеркальное отражение трудового и творческого состояния рабочего человека России. Этому отражению в 2021 году исполнилось ровно два века.

На государственную чиновничью власть, сформированную империей после правления Петра I, поставленную с ног на голову в XVIII веке, не смогли оказать воздействие не только цари XIX века, но и руководители советской власти. Факт системы Российского государства, предназначенного для обеспечения благосостояния народов России, но существующего только для сохранения власти чиновничества, обескураживает. Из всего населения планеты численность народов России составляет 2 %. Российской Федерации принадлежат около 40 % природных богатств Земли. Трудовой и творческий народ России на протяжении 200 лет медленно, неуклонно и под различными предложениями терял доступ к ним. Это движение к полной бедности и разорению народов Русской земли проявили 90-е годы XX века. Последнее его десятилетие вывело на авансцену и представило на всеобщее обозрение основную причину катастрофы экономики СССР, а затем и Российской Федерации. В основе её располагалось откровенное и безнравственное предательство национальных интересов Русской страны. Представители

этого предательства на основе рекомендаций европейских и американских советников занимались возвращением поколений «новых русских».

Народы Российской империи и СССР, преодолев три разрушительных и грабительских войны, в 1999 году вступили в начало четвёртой. Всё, о чём предупреждал Александр Пушкин после попытки государственного переворота новыми дворянами в декабре 1825 года, состоялось и содержит перспективу развития. Убийство «камер-юнкера А.С. Пушкина» в 1837 году, последующее за этим указание по забвению его имени представляют читателям России одну из основных составляющих войны против независимости народов России. На это указывает активное возрождение его имени с 1937 по 1957 год. На волне столетнего забвения имени поэта-пророка и последующего краткого возрождения в 1987 году наступила всеокрушающая стагнация. Имя гения А.С. Пушкина окружил словесный туман многочисленных воспоминаний. После 1999 года его непроглядную белизну, подобно степному бурану, запуржила сеть интернета. В международной паутине затрепыхалось имя наёмного французского убийцы и раскрашенная ложь его длительных отношений с женой поэта. К чему и для чего? Для того чтобы вернуть прошлое, которое переживало старшее поколение победителей фашистской «Европы» после великой Победы.

После третьей попытки разгрома единства России, происходившей с 1941 по 1945 год, разрушения и разграбления её национальных богатств от Днепра до Волги, народ-победитель вынужденно жил в землянках и саманных строениях, покрытых соломой. Между сёлами и хуторами крестьяне, как и до Великой Отечественной, передвигались на лошадях, быках и ишаках. На дальние расстояния народы Русской страны ездили в вагонах, предназначенных для перевозки скота. На железнодорожных станциях бедные пассажиры, отдохавшие в вагонах на соломенной подстилке, бегали с чайниками в поисках кипятка. Крестьянство России, составлявшее 40 % населения страны, не имело паспортов. Основной документ гражданина СССР государство стало выдавать с 28 августа 1974 года. За свой подневольный героический труд советский крестьянин получал трудовни и оплату натурой до 1966 года. После работы он трудился в своём хозяйстве на принадлежащей ему земле. Основа прожиточного минимума семьи крестьянина мычала, бляла и кудахтала во дворе дома. За живностью с утра и до позднего вечера требовался уход. Отдыхали одним днём, в воскресенье. В этот день с мешками и лукошками труженики села выезжали на рынки и базары. Работа трудового народа продолжалась...

Причина и цель разрушения Русского государства, содержание и итоги существования

Российской империи, созданной Петром I, историографией России не раскрыты до настоящих дней. Задумывая исполнить труд «История Петра», историограф А.С. Пушкин столкнулся с глобальной проблемой. Изложить её содержание устным и письменным словом ему не позволили. К изучению подлинной истории Петра I допуск гения был прерван выстрелом иностранного наёмника.

Разрушительную основу Российской империи во второй половине XVIII века приоткрыл Денис Фонвизин (1745—1792). Своё исследовательское умозаключение он представил императрице Екатерине II. Его обращение осталось без ответа. В первой трети XIX века предупреждение подобного содержания от Александра Пушкина поступило императору Николаю I. Оно также осталось без ответа.

Русский поэт А.С. Пушкин трудом своего ума перечил немецкому правлению Российской империей. Тайные рычаги его управления находились в Вене и Берлине под благовидным названием «Священный союз». Назначенный на должность титулярного советника с обязанностями историографа, он перечил либерализму, искусно прикрывавшему предательство национальных и экономических интересов народов России. До настоящих дней это прикрытие имеет свой символ. Он располагается в форме пограничных стел, установленных по левому берегу

реки Урал. Правительство Российской Федерации по сей день взирает на столбы с искусным названием «Европа». Более того — реставрирует и раскрашивает их. После разгрома в 1812 году искусный зонтик «Европы» повсеместно накрыл территорию исконной земли Русской. Попав в заморочь лживого «обновления», в разночтениях истории Российской империи до окончания второго десятилетия XXI века блуждал глава Российской Федерации В.В. Путин. Здравомыслящий и образованный человек России недоумеает от явления исторической географии, по которой архипелаг Новая Земля входит в «Европу». Великое продолжение горной Уральской гряды является пропускными воротами к Северному морскому пути по Ледовитому океану и его морям. От предков Гипербореи народы Русской страны в этом пространстве планеты обладают пропуском, дающим вселенское право продолжения истории нашей цивилизации в третьем тысячелетии.

С окончания 1832 года титулярный советник Александр Пушкин, понимая сложность своей исследовательской работы, полностью закрыл её содержание от посторонних глаз и ушей. Его переход на стезю изучения истории, с проведением анализа событий современности на основе архивных документов, не воспринял поэтический наставник Пётр Плетнёв. С 1832 года он руководил кафедрой русской

словесности в Санкт-Петербургском университете. Работа его была успешной и продуктивной. Через 8 лет П.А. Плетнёв занял должность ректора этого университета. Пётр Александрович дорожил творческой дружбой с Пушкиным и высоко оценивал его талант. Умный, дружески настроенный поэт Пётр Плетнёв в короткий период времени перестал понимать поэта Александра Пушкина. Это его состояние имело объективную основу. Ученик Плетнёва, скрывая ото всех широту своего исследования, приступил к написанию исторической монографии «История Пугачёва». Работа поменяла приоритеты его рассуждений и выводов.

При разговоре с собеседником Александр Сергеевич использовал известные ему из архивных материалов реальные факты прошлой истории. При этом он соблюдал режим секретности, скрывая в своём монологе источник своих знаний. Оппонент не понимал направление и глубину мысли, услышанной им от историографа Пушкина. Он терялся, так как ничего не знал о фактах событий недавнего прошлого своего Отечества. После подобного разговора с другом и знаменитым поэтом, чтобы не выглядеть невеждой, обескураженный товарищ Пушкина старался избегать контактов с ним.

Как и поэт Пётр Плетнёв, большинство мастеров литературного цеха не смогли воспринять направление нового выбора

Александра Пушкина. Сам же он, занявшийся историографией на 34-м году жизни, на смену настроений своих товарищей особого внимания не обратил. Пребывая половину сознательной жизни в компании с пером, бумагой и чернильницей, Александр Сергеевич привык к опосредованному одиночеству. Он осознанно, вопреки своему желанию, отстранил поэзию на второй план, творческую мысль исследователя перенаправил на анализ истории Отечества. Исследователь, занимающийся историческими исследованиями, знает, что сведение воедино фактов прошлого в монографию по истории Русского государства не представляет восторга по итогам исследования. Не столько при подготовке, сколько после издания монографии, как правило, по её основному содержанию возникает больше вопросов, чем ответов. Нить судьбы прошлого восторга от поэтического сочинения «Бориса Годунова» оборвалась и у поэта Пушкина. Занимаясь исследованием архивных документов, он предчувствовал своё будущее. В четвёртую главу романа «Евгений Онегин» автор вписал: *«Враги его, друзья его // (Что, может быть, одно и то же) // Его честили так и сяк. // Врагов имеет в мире всяк, // Но от друзей спаси нас, боже! // Уж эти мне друзья, друзья! // Об них недаром вспомнил я».*

Назначение А.С. Пушкина на должность титулярного советника, получающего заработок из

государственной казны, осудили практически все бывшие единомышленники. Рядом остались только самые близкие и преданные друзья. Никто из собратьев по писательскому перу не обратил внимания на то, что их товарищ после 1817 года пребывал на государственной службе семь лет чиновником X разряда Табеля о рангах. В 1832 году состоялось его назначение с повышением по должности всего на одну ступень через 15 лет. На тот период никого особо не интересовало то, что он, отдав свои деньги в долг, пребывал в должниках. Зарабатывая деньги изданием книг, в мае 1832 года А.С. Пушкин обратился к генералу А.Х. Бенкендорфу с письмом. Он вынужденно вопрошал к нему: *«Генерал, Его величество <...> назначил мне жалование. Но... я не знаю, откуда и считая с какого дня я должен получать его».* Посредник отреагировал на его вопрос. Назначение Пушкина на должность государственного чиновника IX разряда прошло без оформления допуска и аттестата денежного содержания. Не имея допуска, он оказался в состоянии должностного простоя с начала января до конца февраля 1832 года. После оформления допуска и начала работы с архивными документами денежный аттестат в МИД не поступил.

Генерал А.Х. Бенкендорф, используя письмо А.С. Пушкина, под благовидным предлогом добился от императора назначения второго посредника для его

общения с поэтом. После кончины фон Фока, с осени 1831 года, А.Х. Бенкендорф остался единственным руководителем III отделения. По его предложению император Николай I своим вторым посредником назначил главу министерства внутренних дел Дмитрия Николаевича Блудова. Летом 1832 года министр Дмитрий Блудов, бывший организатор кружка «Арзамас» и литературный соплеменник Александра Пушкина, искренне недоумевал по случаю полугодового отсутствия денежного жалования, положенного для Пушкина по занимаемой должности. Действительный тайный советник Николай Алексеевич Муханов стал свидетелем разговора, в котором «Блудов сказал Пушкину, что о нём говорил государю и просил ему жалованья, которое давно назначено, а никто давать не хочет».

После назначения на государственную должность акценты взаимоотношений с коллегами по писательскому труду у Александра Пушкина сместились. Проявились они в первом полугодии 1832 года. Из столичного общества литераторов, бывших его друзей, никто и никогда не проявит себя ни соратником, ни единомышленником. Александр Сергеевич понимал, что либерально настроенные писатели в условиях получения им денежных сумм из государственной казны вправе ему не доверять. В сложившихся условиях работы с поэзией и прозой, отсутствия получения дохода в семью,

кроме поступления гонораров от издания произведений, иного выхода из ситуации он не знал.

Главной причиной и раздражителем для бывших литературных друзей и товарищей Александра Пушкина стала его непримиримая позиция к сверхактивной колониальной «европейской политике», проводимой «цивилизованным Западом» на территориях Африки, Латинской и Северной Америки, Южной и Юго-Восточной Азии. Он открыто высказывался о проведении этой же политики в отношении территории и народов Российской империи. От собеседников и своих оппонентов свою точку зрения поэт Пушкин не скрывал ещё до его назначения на должность титулярного советника. Его раздражало поведение бывших товарищей, переходящих на сторону толпы почтительных приверженцев «западной цивилизации». По закону природы он обрёл в этой проигрышной для него ситуации мощный противовес. Им оказался генерал А.Х. Бенкендорф. С юности, после разведывательного путешествия по Сибири и участия в войне против наполеоновской «Европы», он был противником её политики агрессивной озлобленности в отношении России.

Двадцатилетний Александр Бенкендорф, совершая длительное разведывательное путешествие по территории Сибири, получил первый опыт изучения богатства края и добродушия народов, его заселяющих. Ему до-

велось встретиться с корыстными чиновниками местной власти. Он получил достоверные сведения об американцах, проявляющих пренебрежение к местному населению, граничащее с поведением рабовладельцев. Отдельные подробности Александр Бенкендорф предоставил Пушкину для его работы по историографии. Флигель-адъютант Александра I на протяжении длительного срока продвигался по территории Поволжья и Урала, охваченной народным восстанием под руководством Емельяна Пугачёва. Путешествие его проходило через 30 лет после событий 1773-1775 годов. Были живы свидетели и участники мятежа казаков против дворянства и правления Екатерины II. Александр Пушкин перенял от Александра Христофоровича его опыт получения достоверных сведений посредством индивидуального общения с местным населением. Кроме этого, он обнаружил главное. Генерал Бенкендорф обладал ценными для историографа воспоминаниями о событиях, многим из которых был не только свидетелем, но и прямым участником. Отдельные эпизоды из рассказов

А.Х. Бенкендорфа, записанных им в мемуары с 1803 по 1837 год, отражены в литературных произведениях А.С. Пушкина.

Получая негласную поддержку, А.С. Пушкин открыто противопоставил свои реальные знания по истории России формальным словопрениям столичных приверженцев либеральных идей. Он первым среди публицистов Российской империи приоткрыл завесу, прикрывающую реальную «европейскую политику», направленную на проведение колониальных войн. После сочинения «Бориса Годунова» и «Полтавы» их автор представил российской общественности агрессивную и грабительскую сущность «озлобленной Европы». Крайне неприятным для художника слова стало открытие того, что скрытая сущность партий войны западных монархий прикрывалась культурой и гениальными именами творцов Ренессанса.*

А.С. Пушкин начинал свой труд исследователя в условиях организации и существования с 1815 года «Священного союза». В процессе работы он столкнулся с противоречиями в междуна-

*Со второго десятилетия XXI века в Российской Федерации идея «пролетарского интернационализма» проявила себя в порядке последовательного открытия и доступа к архивным документам XX века. Оказалось, что Ренессанс не оказал никакого воздействия на монархов западных государств от Берлина до Рима, от Гааги до Лондона и Вашингтона. С 1941 по 1945 год в войсках гитлеровской Германии против рабочих и крестьян СССР рвались в своём неистовстве вооружённые полчища грабителей, насильников и убийц, составленные из рабочих и крестьян Рима, Мадрида, Парижа и иных «озверелых европейцев». События календаря XX века и текущие годы начала третьего тысячелетия дискредитировали не только «пролетарский интернационализм», но и способность «озлобленной Европы» в союзе с «озверелым Вашингтоном» мирно существовать с народами Азии, Африки и Латинской Америки.

родной политике, исходящими от этого объединения. Император и правительство России пытались заполучить единомышленников в Австрии и Пруссии. Данная политика гарантированно вела только к одному итогу. Предстояла очередная война. В каком бы месте она ни начиналась, её разворот гарантированно перенаправит толпы вооружённых насильников на территорию России с неизменными целями. Участники войны будут грабить и с особой жестокостью убивать её народы. Озверелая партия войны «озлобленной Европы» приложит все усилия к ликвидации Русского государства народов России от Днепра до Урала.

Александр Пушкин, опережая время и события, осуществил открытие мирового значения. В составе иных агрессоров западных монархов и полководцев пруссаки и австрияки неоднократно скрыто и открыто принимали участие в войнах против России во второй половине XIX и в XX веке. Проведя аналитику прошлых веков, он пришёл к выводу, направленному на последующие времена предстоящих столетий. Без покорения народов России носителям «европейских ценностей» и партии войны «озлобленной Европы» никогда не покорятся народы Северной Африки, Персии, Индии и Китая. Без слома и ликвидации Русского государства народов России не будут сломлены народы Аравии, Сирии, Турции и Афганистана.

Первая и самая весомая внешняя подсказка данного открытия

пришла к Александру Пушкину по итогам его путешествия в Тифлис и на территорию Османской империи, с пребыванием в расположении действующей армии России. Этому способствовала незримая встреча с искалеченным и заколоченным в гроб телом поэта А.С. Грибоедова, а также продолжительное стояние на коленях перед его могилой на кладбище будущей столицы независимой Грузии. Он навсегда запомнил сдачу османами Арзрума, где французские военные советники призывали отстаивать крепость в битве с русскими «до последнего турка».

Для пропаганды воззрений на международную политику Пушкин надумал осуществить выпуск ежедневной газеты и стать её редактором. Его задумка проходила в условиях, при которых большинство его современников, поэтов и прозаиков выражало своё удовлетворение содержанием газет и журналов, поступающих в Россию из-за границы.

Наступивший 1832 год открыл новую страницу в творческой работе А.С. Пушкина. Он с головой погрузился в новую для него деятельность исследователя истории России. После официальной рассылки царского документа о назначении Пушкина титулярным советником на квартиру по его месту жительства 25 февраля 1832 года были доставлены все документы, на которые он совсем недавно в государственном архиве составил запрос. С этого дня, настроив свой

творческий потенциал на изыскание правды исторических фактов Русского Отечества, он погрузился в работу историографа с такой интенсивностью, с какой не работал с пером и бумагой до сего момента. Утренние прогулки с литературным творчеством в постели остались в прошлом. В его кропотливую и повседневную работу посвящены только Наталья Николаевна и Павел Нащокин. Об изучении А.С. Пушкиным секретных государственных документов осведомлён крайне узкий круг высокопоставленных персон из царского окружения. Все, кто не осведомлён о смене направления его творческой работы, принялись рассуждать о спаде поэтического потенциала Пушкина.

Знавшие лично А.С. Пушкина удивлялись и резкой смене его поведения в литературном кругу столичных товарищей. Приступив к изучению недоступных, неизвестных и секретных документов, Александр Сергеевич стал проявлять осторожность в кругу своих знакомых. Он с юности отличался этой особенностью. Теперь же она проявилась у него в форме замкнутости. Ещё более осторожно он относился к иностранцам. До плагиата Булгарина ему доставало опыта домашней школы и общения с французами в детстве. Представителей Парижа Пушкин избегал и им не доверял после 1812 года. Настраивала его на сужение общения знакомых специфика работы с секретными архивными

материалами. До их изучения он дал подписку о неразглашении сведений, с которыми знакомился в государственном архиве.

Во второй половине февраля Александр Пушкин в письме к Павлу Нащокину рассказал о причине своего вынужденного уединения: *«Жизнь моя в Петербурге ни то ни сё. Заботы о жизни мешают мне скучать. Но нет у меня досуга, вольной холостой жизни, необходимой для писателя. Кружусь в свете, жена моя в большой моде – всё это требует денег, деньги достаются мне через труды, а труды требуют уединения»*. Пушкины, Павлицевы, Нащокин и Соболевский знают, что Александр Сергеевич активно работает над составлением истории эпохи правления Петра I. Он по-прежнему пишет прозу и сочиняет стихи.

Труд Пушкина продолжается в крайне стеснённых обстоятельствах. Сословный дворянин, обожавший путешествия, условиями, исходившими от власти царя, ограничен в праве на передвижение по пространству собственного Отечества более 12 лет.* Первое его путешествие из Петербурга на юго-западную периферию империи проходило в порядке наказания. Второе путешествие в Тифлис ему обеспечил поклонник странствий и приключений генерал А.Х. Бенкендорф. Командир отдельного корпуса И.Ф. Паскевич решил А.С. Пушкину посетить места сражений с проездом на

территорию Османской империи до крепости Арзрум. Запрет его передвижения распространён даже на пространство между Петербургом и Москвой. Александр Пушкин понимал, что в условиях ведения войны, восстания в Польше и пандемии холеры ограничение в передвижении — мера вынужденная. Однако в Российской империи запрет на передвижение более напоминал о введении Юрьева дня с 1497 года для крестьян, пребывавших в зависимости от помещиков. С той поры этот день декабря (ноября по старому стилю) положил основу крепостного права. Это право, закреплённое законом, низводило жизнь и труд русского крестьянина до положения африканского раба Северной Америки. Территория Северной Азии Русской страны от Днепра и до Урала, от Дона и до Новой Земли исподволь и потаённо переводилась в состояние, в котором находилась Африка. Этот период совпал с началом активного проникновения католицизма в Россию и проведением

раскола в православной церкви в середине XVII века.

Погружаясь в изучение сведений из фактических архивных документов, ознакомившись с фактами малоизвестного масштабного исторического события, происходившего на Урале, в Башкирии и в Поволжье с 1773 по 1775 год, историограф Александр Пушкин мечтал о третьем путешествии. К этому его активно подвигало желание понять причину продвижения границы «Европы» с запада на восток. Для него не составляло особого труда увидеть и понять скрытый стратегический интерес к территории России её противников и врагов. Основные исследовательские цели А.С. Пушкина нашли понимание у генерала А.Х. Бенкендорфа. Он пребывал в Оренбурге в 1803 году, а затем и на левом берегу Урала, на солевом руднике, расположенном на правом берегу реки Илек. В самом начале XIX века никто не говорил и никто не обсуждал планы западных «перекройщиков» по разделу территории Азии на две

*Рукотворность положения человека труда и Русской страны поразительна по своему содержанию. В XIX и в XX веке для проезда по территории своей Родины он обязан был получить на то разрешение от власти. Между городами запрет существовал пропиской. В сельской местности у крестьян отсутствовали паспорта. Поражающим моментом проявили себя 90-е годы XX века. Ограниченно знавшие Россию по учебнику географии все её граждане получили право выезда в любую точку планеты. Самым престижным в Российской Федерации стало обсуждение пребывания в Париже, Гааге, на Мальдивах, в США и в Турции. Патриотизм был объявлен уловкой для простаков. Обсуждение самой России проходило в условиях её вхождения в «Европу» от Лиссабона до Владивостока. Продолжилась начатая Хрущёвым раздача земли и акваторий океана России. Обсуждался вопрос о вхождении РФ в НАТО. Подразделения этого военно-политического блока обосновались в Ульяновске. В центре Оренбурга планировалось размещение американского подразделения особого назначения. На Урале самым уважаемым среди губернаторов областей от Перми до Волгограда был консул США, обосновавшийся в Екатеринбургe.

половины. В 1833 году значительное сужение Великой Степи до Урала представлялось обыденным и не вызывало сомнения в его полезности. Царское правительство Российской империи после 1815 года устремлялось в «Европу» и желало вступить в её состав. Желание это доводилось до исторического абсурда. В Зимнем дворце Петербурга обсуждался вопрос переноса столицы в Варшаву!*

Александр Пушкин замыслом своего путешествия на край «Европы» ни с кем не поделился. О зарождении плана своего выезда через Волгу на берега реки Урал, скрывая его цель, он лаконично сообщил Павлу Нащокину: *«Путешествие нужно мне нравственно и физически»*. Срок своего выезда из Петербурга Александр Сергеевич обговаривал только с царским посредником. Повод для его осуществления придумал. Основную цель маршрута своего путешествия он прикрыл составленной им легендой. Его дума о предстоящем странствии на берега Волги и Урала с каждым месяцем приобретала реальные очертания.

Составлению плана путешествия по территории восстания казаков, крестьян и уральских рабочих, происходившего на восточных окраинах «Европы», способствовала и условная финансовая стабильность в

семейном бюджете Пушкиных. Из казны поступало денежное довольствие. Издатели высоко ценили литературные произведения главы семейства Пушкиных. В Москве у Гончаровых с 1831 года залежался долг в 12 тысяч рублей. Перед выездом из дома Александр Сергеевич распределил расходы от поступающего дохода на текущие нужды и на выплаты по прежним долгам. Предполагаемый маршрут путешествия в Оренбург пролегал через Москву, Нижний Новгород, Казань и Симбирск. Препяды для путешествия отпадали в августе. Император Николай I выезжал в длительное заграничное турне в Пруссию и Австрию. Предстоящие расходы в семье, связанные с переездом с летней дачи на зимнюю квартиру, до конца года должен перекрыть возврат долга Н.И. Гончаровой.

Журналистов и газетчиков раздрало любопытство к личной жизни Александра и Натальи Пушкиных. Тот или иной марающий чернилами бумагу человек, ничего не пишущий о Пушкине, Крылове, Жуковском, был в начале 1830-х годов неприкрыт среди прочих литераторов. Чтобы его заметили, надо было непременно что-то сообщить о Пушкине или о его жене. В Петербурге все знали, что информацией подобного толка в столице интересовались император

*Дальнейшее пребывание территории России с её народами в фальшивой выдумке с названием «Европа» представляется основой для осуществления катастрофы Русского мира и его культуры. Предупреждение от философа и социолога А.А. Зиновьева реально и имеет ряд подтверждений за истекшие 23 года текущего века.

и императрица. От сочинителей, собирающих уличные, базарные, ярмарочные и дворовые слухи, поступала подпитка для светских разговоров в столичных салонах.

Весенний праздник Масленицы активизировал к жизни петербургские слухи в отношении жены поэта. Недоброжелатели семьи Пушкина постарались срочно распространить слух о неравнодушном отношении императора к Наталье Николаевне. Своей склонности к красивым дамам Николай I не скрывал. Его предпочтения к очередной даме сразу же становились известны вальсирующим парам. Внимание царя всегда имело далеко идущие последствия. Многочисленные русофобы ради защиты гендерных «европейских ценностей» обратят в нескончаемые строки обвинений имя Натальи Николаевны Пушкиной.* Возвышая имя любовника посла Нидерландов, прислужники «озлобленной Европы» второй век совершают нападки на честь и верность русской семьи. Упорство их стараний свидетельствует о силе её христианского примера, исходящего из России с Востока на Запад.

После празднования Масленицы слухи не утихли. Вбирая в себя все нити, идущие от реальных и надуманных событий, собирался клубок первой интриги

низменных страстей. Лояльность и безнаказанность к авторам интриги со стороны православного общества свидетельствовали о значительном ослаблении роли Русской Церкви. Нравы и нравственность в условиях империи, развивающей индивидуальную корысть людей «железного века», остались без присмотра и осуждения.

В дни праздника Масленицы беременной вторым ребёнком жене Пушкина не до триумфа на царских балах. Жизненно важную ситуацию перед родами ей осложнил период её участия в наведении порядка с имуществом и собственностью умершего собственника полотняного завода. Семейству Гончаровых требовалось переоформление на право наследования полотняного завода и занятого им земельного участка. Активность переписки Натальи Пушкиной с братом Дмитрием Гончаровым вызвана распределением наследства после смерти их деда А.Н. Гончарова. Содержание её писем опрокидывает навязанное писателем Щёголевым утверждение о «светско-любовном романтизме внутренней жизни Натальи Николаевны». Мнение его надумано. Оно вынесено к читателям без учёта семейных забот Натальи Пушкиной о муже, детях, родных братьях

*Красота Натальи Николаевны Пушкиной, её любовь к мужу, преданность семье, детям и родственникам в текущем веке представляется исторически значимым явлением. Имя жены гениального поэта сравнимо с преградой на пути стратегических планов «озлобленной Европы» по разрушению ценностей семьи, благословлённой Богом. В текущем веке образ православной жены и матери Натальи Пушкиной перешёл в состояние христианского барьера. Имя её по значимости сравнимо с именем её мужа.

и старших сёстрах Екатерине и Александре.

Выводу Щёголева нет доказательных фактов. Они следуют из разговоров вокруг светской жизни Натальи Пушкиной и со слухов, окружавших её имя, в основном выстроены на сведениях от Идалии Полетики, её дальней родственницы. Обвинение в адрес жены Александра Пушкина преследует цель сокрытия фамилий организаторов и исполнителей низменной склоки вокруг его имени. Подлая ложь чаще всего опережает правду. Содействовал этому опережению и историк литературы П.Е. Щёголев. Этому автору содействие в России оказывалось не только в период его службы царскому двору. Книга Щёголева «Дуэль и смерть Пушкина» переиздавалась в 1922 и в 1928 годах. В 1987 году предпринималась попытка её переиздания тиражом в 600 тысяч экземпляров. Несмотря на протест ведущих русских писателей Ю. Бондарева, С. Гейченко, Н. Доризо, Л. Леонова, Н. Скатова, книга с меньшим тиражом была издана и направлена к читателям. Подобная тактика и стратегия потаённых врагов русской семьи Пушкиных способствует тому, что не убийц Александра Пушкина, а его самого и его жену до настоящего времени осыпают обвинениями.

С года убийства «камер-юнкера А.С. Пушкина» минуло 186 лет. Все, кто знаком с творчеством и биографией А.С. Пушкина, уверенно указывают на

несуществующий факт вызова на дуэль 25 января 1837 года французского наёмного мигранта, служившего в элитном полку кавалергардов Николая I. Почитатели творчества А.С. Пушкина искренне удивляются, когда узнают о том, что вызов на поединок титулярному советнику А.С. Пушкину направил 26 января 1837 года королевский посланник в ранге министра Нидерландов. Подобным образом был удивлён и подполковник Константин Данзас. Лицейский однокурсник спрашивал Александра Пушкина, почему он стреляется с французским наёмником посла, а не с ним самим.

Жена титулярного советника Александра Пушкина представляла в Петербурге две известные фамилии. Гончаровы и Пушкины приближены к царскому императорскому двору более века. Наталья Пушкина и её муж, согласно их сословной принадлежности, обязаны были посещать в столице светские рауты. Им следовало придерживаться принятого этикета. Отказ не принимался и воспринимался проявлением невоспитанности. Александр Сергеевич, осведомлённый прошлым опытом пребывания в великосветском обществе, призывал Наталью Николаевну не увлекаться внешним блеском аристократических приёмов. Жена соглашалась с мужем и старалась соблюдать его рекомендации. Характер Натальи Николаевны с частицами души её внутреннего мира православной

христианки просматривается в содержании её немногочисленных сохранившихся писем. Не посторонние рассуждения, а её письма и отношение к ней со стороны мужа есть объективная сторона их семейных отношений. Содержание немногочисленных сохранившихся писем, написанных Н.Н. Пушкиной, гарантированно противостоят слухам и наговорам на её имя.

Свидетельством характера Натальи Пушкиной служит её письмо от 11 марта 1833 года. Оно написано к Дмитрию Николаевичу Гончарову. Сестра сообщала: «Дорогой Митенька, нежно целую сестёр, я так перед ними виновата, что уж не знаю, как просить у них прощения, скажи им, что я их по-прежнему очень люблю и жду не дождусь их обнять. Не передаю ничего маменьке, потому что, я полагаю, она в Москве, но, если она с вами, нежно её поцелуй от меня. Всего хорошего Нине и поблагодари её за сапожки, они прелестны». (Нина, гувернантка семьи Гончаровых, переслала Н.Н. Пушкиной свои сапожки. — Авт.). Слова всех сохранившихся писем Натальи Николаевны никогда не имели формального содержания. Они конкретные и деловые. Скоро, кроме писем, от неё последуют действия помощи брату и сёстрам. Она станет активно способствовать переезду старших сестёр на жительство в столицу. Наталья Николаевна в необходимости своего решения убедит и мужа. Она перевезёт

Екатерину и Александру под крышу своей семьи. После переезда сестёр Наталья устремится устраивать их личную жизнь. Благодарность за её труды от старшей сестры Екатерины Гончаровой окажется абсолютно противоположной стараниям, приложенным Натальей и Александром Пушкиными.

В тексте мартовского письма Натальи Пушкиной к брату Дмитрию Гончарову, как и в последующих её посланиях к нему и в иные адреса, отсутствует намёк на её самолюбование и женское тщеславие. Наталье Пушкиной 21 год от рождения. Её старшей сестре Екатерине Гончаровой — 24 года, средней сестре Александре Гончаровой — 22 года. Сёстры её не замужем, они живут повседневной жизнью затворниц, пребывая под плотной опекой со стороны их матери Натальи Ивановны. У них нет никакой возможности проявить самостоятельность. Младшую сестру это обстоятельство не только смущает, но и огорчает.

Екатерина и Александра Гончаровы после замужества их младшей сестры Натальи не встречались два года. Наталья Николаевна Пушкина, отказываясь от своей доли на наследство и выплат, полагающихся ей от имущества полотняного завода, воспринимала себя перед Екатериной и Александрой виноватой за своё замужество. Это скрытое чувство вины и желание угодить любимым сестричкам будет иметь трагические последствия.

Её добрые намерения и содействии старшей сестре Екатерине вызовут такие последствия, которые русский человек не пожелает и врагу.

Доброту и заботу Александры Николаевны Гончаровой в отношении детей Александра и Натальи Пушкиных уже с февраля 1837 года устремились переречивать заказные сочинители пасквилей и клеветы. В адрес Натальи Пушкиной и Александры Гончаровой одно из заказных перьев недоброжелателей распространит среди читателей Петербурга анонимное стихотворение на смерть А.С. Пушкина. Экземпляр злобных слов, обращённых к жене поэта и к её сестре, сохранился в архиве семьи Вульф-Вревских: «Заплатит совести утрату, // Горя преступной страстью к брату; // Сестры, супруга, мужа честь // Она изменой запятнала; // Душа её враждой пылала // И в жертву ей могла принести // Супруга славу и поэта». Слова пасквиля, распространённые по столице вслед убитому поэту, — одно из первых ярких доказательств целенаправленного наступления, порочащего его имя и имя его жены Н.Н. Пушкиной. Цель его проста — обелить имя Екатерины Гончаровой. Она, бессознательная и страстная участница интриги против своей родной сестры, радостно переметнётся на

сторону чуждых ей Геккернов.

Искусное очернение имени жены Александра Пушкина продолжалось на протяжении XIX века. Злостная пиар-линия, направленная на жену русского мастера литературного Слова, проводилась с целью разрушающей атаки на культуру русской семьи. Злостная интрига, в которой участвовали и представители некоторых фамилий столичной аристократии, грани поэзии и прозы Пушкина не затрагивала. Перед его творчеством она была бессильна. Клеветники России наносили свои поражающие удары по самому сильному, но трепетному чувству двух любящих людей. Под влияние очернения семьи Александра и Натальи Пушкиных попала и добродетельная православная христианка Александра Николаевна Гончарова (в замужестве баронесса Фогель фон Фризенгоф).*

К унижению чести и достоинства жены А.С. Пушкина приложил руку и русский писатель И.С. Тургенев в 1878 году. Для своего ничтожного действия он использовал журнал «Вестник Европы» (№ 1 и № 3). С какой целью известный прозаик Российской империи выслуживался перед «озлобленной Европой», была ли его публикация заказной или не была, осталось на совести самого Тургенева. У цепи публикаций с унижением имени

*Минули 190 лет после начала первой клеветнической интриги в отношении Александра и Натальи Пушкиных. В 2022 году во всей первозданности предстала миру голая правда войны «озлобленной Европы». Она направлена против религиозной и светской культуры Русского мира. Гонениям подверглись служители РПЦ, деятели культуры и весь народ России.

Н.Н. Пушкиной на протяжении века был и обрыв. Он произошёл через 100 лет после «убийства камер-юнкера А.С. Пушкина», в XX веке. С середины 1930-х до середины 1950-х годов в России не допускались к печати литературные и исторические публикации, не имевшие фактической и документальной основы. Рядом с именами Александра и Натальи Пушкиных и их семьёй отсутствовало имя наёмного убийцы и его хозяина — посланника короля Нидерландов. В последнее десятилетие XX века, в период распада СССР и активной атаки на русскую духовную и светскую культуру, на имя Н.Н. Пушкиной, как по команде, обрушились все обвинения, копившиеся десятилетиями. Наиболее активными обвинителями выступали либералы Москвы.

Звенья клеветнической цепи, опутавшей имя Натальи Пушкиной, за минувшие 30 лет накрепко сковали социальные сети интернета. Впереди имени Александра Пушкина сегодня во всей своей внешней мундирной красе на информационной паутине красуется в форме кавалергарда императорского полка Петербурга наёмный убийца, переправленный из Пруссии дипломатическим посланником короля Нидерландов.*

Метод искажения сути прошлых событий календаря прост

и незатейлив. При переводах и перепечатке текстов «теряются» запятые, вместо буквы «ё» в словах с её содержанием печатается «е», придумываются и заносятся в русский словарь англосаксонские слова. Эти слова меняют основной смысл фраз и предложений. К примеру, Александре Николаевне Гончаровой в итоге смены места одной запятой в тексте приписываются «тёплые отношения с Геккернами». В реальности, со слов самой баронессы фон Фризенгоф (А.Н. Гончаровой), отношения с «отцом и сыном Геккернами» у неё были «холодными». Для подобных отношений с убийцами А.С. Пушкина у Александры Николаевны Фризенгоф-Гончаровой присутствовали все основания.

Француз Жорж Дантес, незаконно получивший приставку фамилии Геккерн, на имени которого значатся четыре невинно загубленные жизни, представляется сочинителями его биографий только в бравом виде. Наёмник нидерландского министра в Петербурге расписывается для русских читателей с начинкой едкой и лживой клеветы на историю становления семьи Александра и Натальи Пушкиных. В реальности какие-либо отношения семьи Пушкиных к служебному французскому мигранту за весь период его пребывания в Петербурге отсутствуют. Присутствует

* Современные Нидерланды XXI века — главный форпост распространения озлобленности и клеветы от правительств западных стран на Русское государство и народы России.

иная история. Наёмник-кавалергард, вынужденно ставший мужем Екатерины, к семье Гончаровых приставал с одной и той же претензией. Добиваясь получения доли от хозяйства семьи Гончаровых, «барон Жорж Геккерн» для решения семейно-хозяйственной проблемы приданого за Екатериной Николаевной подключил к ней участие императора Николая I.

Весной 1833 года Александр Сергеевич и Наталья Николаевна с дочкой Машей и домовою прислугой покинули центр Петербурга. За городом, на Чёрной речке, на летние месяцы они арендовали дачный дом у Ф.И. Миллера,* бывшего личного повара императора Александра I. Надежда Осиповна Пушкина, оценивая выбор сына и его беременной вторым ребёнком супруги, 24 мая сообщила дочери Ольге Павлищевой про арендованную дачу: «Она очень красива, есть большой сад; дача очень велика: 15 комнат с верхом». По соседству с Пушкиными поселились Екатерина Ивановна и Наталья Кирилловна Загряжские. Надежда Осиповна Пушкина регулярно посещала семью сына. Была она и гостьей у Загряжских. В июне Надежда Осиповна с радостью сообщила Ольге Сергеевне: «Жена Александра, чувствуя себя отлично, много гуляет по островам, несмотря на последний месяц беременности, посещает театр».

Инициатива прогулок беременной Натальи Николаевны с походами в театр, расположенный на набережной реки Крестовки Каменного острова, исходила от Александра Сергеевича. Здание театра было новым. Открытие театра состоялось 1 июля 1827 года с показом премьеры комедии В.А. Каратыгина «Двое за четверых» и водевиля А. Шаховского «Казак-стихотворец».

Бытовая и семейная летняя идиллия пребывания на загородной даче историографа Пушкина к отдыху не располагала. Он работал ежедневно. Утром пешком направлялся в здание Главного штаба на Дворцовой площади Петербурга. Обратное возвращался также пешком. Вернувшись на дачу, Александр Сергеевич отправлялся на Малую Невку, где по вечерам с удовольствием купался. В сумерках наступавшей ночи по окружному маршруту возвращался на арендованную дачу. Во время прогулки продумывал план своего путешествия в Оренбург. Его основательному составлению способствовала доверительная беседа с А.Х. Бенкендорфом по теме выезда в Казань, Симбирск и Оренбург. Генерал содействовал поэту в составлении плана и определении срока предстоящего путешествия.

Во время вечерних прогулок по Каменному острову Александр Сергеевич воссоединял в единое целое информацию, прочитанную

*Богатство личного повара главы государства свидетельствует о том, что «брюхо для императора важнее его нравственного духа».

в архиве. На следующее утро на пути к Дворцовому мосту через Неву он систематизировал её и сводил воедино факты прошлых событий календаря, фамилии участников, даты и места их происхождения. Расставлял главных и второстепенных авторов, участников и свидетелей. Отдельные выводы военной стратегии и тактики государственника Петра I становились понятными для их изложения. Труд по написанию монографии реальной истории правления первого императора России предстоял не только сложный, но и весьма кропотливый. При изучении архивных документов необходимо было отделять правду вековой давности от вымыслов и исправлений. За 100 прошедших лет о царствовании Петра Алексеевича Романова накоплено огромное количество противоречивых сведений. Для проверки архивных сведений отсутствовал самый главный компонент исследования. В мир иной перешли свидетели и участники событий первой четверти XVIII века. Архивные материалы несли в своём содержании противоречивую информацию. Им требовалась перепроверка. Выход историограф для себя нашёл. В порядке условного введения к основному труду он осуществил подготовку материалов к исторической монографии, меньшей по объёму, но весомой по своему происхождению для истории Российской империи. С июня по июль её вариант для вводной работы

к написанию «Истории Петра I» сложился и совпал с планом предстоящего путешествия. В начале августа Александр Сергеевич провёл систематизацию архивных материалов для рабочего варианта исследования и написания «Истории Пугачёва». Одновременно с работой историографа он подготовил перед выездом литературный сюжет, совпадающий с событиями Крестьянской войны под руководством самозваного Петра III.

Во второй половине августа творческий багаж титулярного советника А.С. Пушкина был подготовлен к отъезду из Петербурга. Им окончательно составлен порядок практического осуществления плана выезда на юго-восток Российской империи. К этому он запланировал посещение тётки в Москве. На то была весомая причина для продолжения путешествия через Владимир в Нижний Новгород, Казань и далее до Оренбурга. Путевые записки в период третьего путешествия он составлять не планировал. Ему и без них предстояла объёмная и ежедневная работа на пути следования. Основное время для её осуществления на протяжении одного месяца выпадало на дорогу. Пребыванию на местности исследования оставалось по 2-3 дня.

В основной замысел цели своего путешествия, связанного с изучением исторических событий, относящихся ко второй половине XVIII века, Александр Пушкин никого не посвятил. До выезда

из Петербурга он всё сохранил в тайне. В конце августа ни с кем не встречался, работал в ожидании условного сигнала о выезде в зарубежную поездку императора Николая I. Маршрут продвижения из Петербурга и отдельные эпизоды поездки, происходившие по пути следования через Нижний Новгород, Казань, Симбирск и Оренбург, прослеживаются по содержанию писем Александра Сергеевича, направленных им Наталье Николаевне через Екатерину Ивановну Загряжскую. Фактические события, связанные с именем титулярного советника Пушкина и его пребыванием в запланированных им городах, запечатлены его современниками и теми, с кем он встречался в этих городах. Своё третье путешествие Александр Сергеевич именовал «*моя Одиссея*».

Отечество земли русского народа во все времена представляло со своей территории православному обществу тысячи юных талантливых личностей. Во взрослую жизнь на протяжении полутора веков проходили единицы из них. Время самодержавия и тирании, берущее свои истоки от правления Петра I, не щадило в первую очередь не бедных и богатых детей, а самых талантливых и преданных своих сограждан. Они определяли фронт на суше и линию атаки на море.

Закостенелая форма чиновничьей вертикали власти Российской империи стальной цепью

крепостного права открыто опутывала человека труда. Её звенья набрасывались и на талантливых представителей эпохи, ратующих за свободу и справедливость. Принадлежность к рабству и сословность в этом случае особой роли не выполняли.

Сословный дворянин А.С. Пушкин с 1832 на 1833 год реально прочувствовал влияние звона имперской цепи российского чиновничества. Вступлением к его политической инициативе стало третье путешествие к восточным границам «Европы» на берега реки Урал. В путь из Петербурга он отправился 17 августа 1833 года, через десять дней после получения разрешения на отпуск. Утро выезда с летней дачи оказалось крайне непогожим. Откладывать свой выезд отпускник не стал. Двумя днями ранее столицу покинул и отправился со своей свитой в заграничное турне император Николай I.

С дачи Каменного острова Пушкин выехал в бурю. Дорожные приключения начались сразу же, у Троицкого моста. Отъезд из столицы он подробно описал в первом же письме, отправленном в адрес жены из Торжка: *«Нева так была высока, что мост стоял дыбом; верёвка была протянута, и полиция не пускала экипажей. Чуть было не воротился я на Чёрную речку. Однако переправился через Неву выше и выехал из Петербурга»*. Уверенность в дальнейшем продвижении по избранному

маршруту ему придавало присутствие столь же смелого, как и он сам, Сергея Соболевского. На следующее утро ураганный ветер успокоился. Прояснилось. Под тёплыми лучами яркого августовского солнца друзья прошли пешком 15 вёрст, *«по дороге убивая змей»*. До Торжка добрались благополучно. Здесь они расстались.

На пути к Москве Александра Сергеевича волнует только одна проблема. На летней даче он оставил Наталью Николаевну, одну с малыми детьми и с прислугой. Успокаивая себя, из Павловска муж написал жене: *«Гляделась ли ты в зеркало, и уверилась ли ты, что с твоим лицом ничего сравнить нельзя на свете – а душу твою люблю я ещё более твоего лица. Прощай, мой ангел, целую тебя крепко»*. Подобные слова восторга, за которыми прочитывается беспокойство, глава семейства излагает и в последующих своих письмах. Невозможно не заметить преобразование автора писем, верящего в природные приметы и оставившего свою семью в страшную бурю. Он стремился из Торжка в Малинники. Посетив поместье своей счастливой холостой молодости, он не встретил здесь знакомых лиц, *«уланы переведены, а барышни разъехались»*. Сам отпускник, примечая внешние изменения, ещё не замечает своего личного преобразования. Оно вольно и невольно отражается в содержании письма, написанного и отправленного

из Москвы в Петербург Наталье Николаевне накануне её дня рождения.

В Москву Александр Сергеевич приехал из-под Волоколамска, после посещения поместья Гончаровых. На полотняный завод, расположенный на берегу реки Ламы, он планировал заехать на несколько часов. Задержался здесь почти на сутки. Причина для этой остановки была веской, но не результативной. Основную проблему в процессе продолжительного спора с тёщей он не решил. О разногласиях с тёщей Александр Сергеевич в Петербург не сообщил. Поздравляя жену 26 августа *«с днём ангела»*, он написал: *«В Ярополец приехал я в среду поздно. Наталья Ивановна встретила меня как нельзя лучше. Я нашёл её здоровую, хотя подле неё лежала палка, без которой далеко ходить не может... Она живёт очень уединённо и тихо в своём разорённом дворце и разводит огороды над прахом твоего прадедушки Дорошенки, к которому ходил я на поклонение... Я нашёл в доме старую библиотеку, и Нат. Ив. позволила мне выбрать нужные мне книги. Я отобрал их десятка три, которые к нам и придут с вареньем и наливками. Таким образом, набег мой на Ярополец был вовсе не напрасен. Из Ярополяца выехал я ночью и приехал в Москву вчера в полдень»*.

Послание-откровение с поздравлением имениннице Александр Сергеевич составлял на

антресолях у Гончаровых на Большой Никитской улице в Москве. По дороге из Москвы в сторону Казани он решил отращивать усы и бороду. Впереди его ждали встречи со староверами и казаками. Ему предстояло с ними доверительно беседовать и получать от них сведения.

Москва, где родился Александр Сергеевич и где он провёл своё детство, в этот приезд ему показалась скучной и неприветливой. Первая доля его скуки навеяна от посещения Малоярославца, вторая — от встречи с А.Н. Раевским. После празднования именин любимой жены он заскучал ещё более. Его рассердило даже то, что *«книги, взятые... в дорогу, перебились и перетёрлись в сундуке»*. Всему этому была веская причина. От жены Александр Сергеевич её скрыл. На его настроении сказало то, что у него не оправдалась основная цель его поездки в Малоярославец. Личный долг в сумме 12 тысяч рублей под различными предложениями временных трудностей с деньгами тёща зятю не вернула. Она не услышала его веские доводы по поводу переезда жены, детей и обслуги с летней дачи на зимнюю квартиру.

Беседа с Натальей Ивановной значительно поубавила возвышенное настроение отпускника. Он планировал половину денег от возвращённого ею долга направлять жене в Петербург, вторую половину забрать с собой в дорогу. Провал переговоров ставил поездку в Оренбург под

вопрос. Жена, дети и прислуга остались в дачном доме на Каменном острове без денег на оплату аренды жилья в зиму. Сумма, оставленная Наталье Николаевне, предназначалась только на бытовые нужды семьи и на питание челяди. Средствами на аренду зимней квартиры она не располагала. В случае продолжения поездки оставалось рассчитывать на ту сумму, которая была в его кармане.

Поэт принял рискованное решение. Он собрался продолжить своё путешествие, уповая на Бога и счастливый случай. Накануне его выезда из Москвы в направлении Нижнего Новгорода Павел Нащокин, по словам путешественника, *«задал ...прощальный обед со стерлядями и с жжёнкой, усадили меня в коляску»*. Верный своему характеру, он проводил Александра Пушкина *«на большую дорогу»*. Его молитвы и пожелания удачной дороги в последние минуты расставания не помогли. Неприятности путешествия начались на первой же станции. В очередном письменном отчёте от мужа Наталья Николаевна читала: *«Дорога хороша, но под Москвою нет лошадей – я повсюду ждал несколько часов и насилу дотащился до Нижнего сегодня, т. е. в 5-е сутки. <...> Кажется, я глупо сделал, что оставил тебя и начал опять кочевую жизнь»*.

Из регулярно получаемых через Е.И. Загрязскую писем от мужа *«ангел Таша»* постоянно и в подробностях узнавала

все перипетии его продвижения к намеченной цели. Об основном содержании путешествия в направлении Оренбурга муж жену по-прежнему не информировал, дорожные детали, которые могли бы её расстроить, от неё скрывал. В пути Александр Сергеевич неоднократно пользовался добрыми советами от тех, кто имел опыт выезда на границу Азии и посещал её западные и центральные пределы.

Планируя длительную поездку, в июле 1833 года А. Пушкин сообщил А. Бенкендорфу о плане написания им романа, действие которого проходило бы в Казани и в Оренбурге. Рабочий вариант его был уже написан и положен в дорожный сундук. Генерал его задумкой заинтересовался. Он порекомендовал Пушкину встретиться и довериться тем персонам, кто окажет ему помощь в городах по пути продвижения.

Поэт следовал по местам исторических событий 60-летней давности. О них помнили местные жители городов и окрестностей. Для населения центральной России тема оставалась закрытой с 1775 года государственным повелением Екатерины II.

По территории, где с 1773 по 1775 год проходили сражения войска Емельяна Пугачёва с регулярными войсками Российской империи, за 30 лет до поездки титулярного советника Александра Пушкина проследовал юный

флигель-адъютант императора Александр Бенкендорф. Он длительное время проживал в Оренбурге и в Соль-Илецке.

Автор мемуарных воспоминаний, обладавший хорошей памятью, поделился с историографом Пушкиным не только своими сведениями, полученными в 20-летнем возрасте, но и фамилиями тех дворян Казани и Оренбурга, которым он доверял. Наиболее близким товарищем в Оренбурге у Александра Бенкендорфа был только что назначенный генерал-губернатором Василий Перовский. Они были знакомы более 20 лет. Василий Алексеевич Перовский при Бородино в августе 1812 года состоял адъютантом у генерала Милорадовича, затем командовал эскадронам гусарского полка. В Москве оказался в плену у французов. После освобождения из плена его к себе в адъютанты определил великий князь Николай Павлович Романов. В декабре 1825 года Василий Алексеевич находился рядом с императором Николаем I и был ранен в грудь.*

Несмотря на личную отвагу, только что назначенный на должность генерал-губернатора в Оренбург В.А. Перовский не мог самостоятельно оказывать внимание А.С. Пушкину без личного на то согласия императора или генерала А.Х. Бенкендорфа. К тому его обязывала Присяга. Перовский всегда следовал её

*Согласиться с определением «декабристы», данным А.И. Герценом, можно только при одном условии. В 1825 году в Петербурге «декабристами» были Николай I и всё его военное и гражданское окружение.

требованиям. О посещении титулярным советником расположения крепости Оренбург он был оповещён шефом III отделения.

После письма из Москвы очередное письмо в Петербург к Наталье Николаевне пришло от Александра Сергеевича из Нижнего Новгорода. Начало своего послания к ней он назвал *«отчёт с самого Натальина дня»*. На подъезде к городу на Волге он стал невольным свидетелем второй (после бури на Неве) приметы в период его путешествия. По уровню психологического воздействия она превзошла встречу с гробом растерзанного Александра Грибоедова. После возвращения Александр Пушкин поделился с Александрой Смирновой-Россет содержанием потрясшей его сцены на Владимирской дороге, которой он стал свидетелем при подъезде к Нижнему Новгороду. Александр Сергеевич рассказал Александре Осиповне о колонне этапных каторжан. В её толпе *«шла девушка не в оковах, у нас женщин не заковывают. Она была чудной красоты и укрывалась от солнца широким листом капусты. "А ты, красавица, за что?" Она весело отвечала: "Убила незаконнорождённую дочь, пяти лет, и мать за то, что постоянно журила"»*.

От слов, услышанных от существа женского пола, одарённого природой чудной красотой, Александра Сергеевича охватил ужас. Потрясение от восприятия несоизмеримых контрастов

увиденного и услышанного им проходило в момент его нахождения на пороге двух миров. В той стороне, откуда он продвигался, располагалась местность империи крепостных и монастырских крестьян, мещан, купцов, ремесленников, дворян, князей и графов. На эту территорию Русского мира, терзаемую противниками и врагами Русской страны, полноправно проникли «западные ценности». Полтора века в прошлом, в окончании XVII века, это была территория Русского государства. Русская земля и человек, проживавший на ней, находились под защитой светской и духовной власти царя и его служивых бояр. Теперь же это была «Европа».

Молодая красавица, убившая свою дочь и мать, ставшая каторжанкой, символизировала что-то новое и ещё неведомое для Российской империи. Не против ли этого явления выступала староверческая православная Церковь, поддерживая Емельяна Пугачёва и его самозванство? Самозванный царь Пётр III возглавлял народное восстание против императрицы-немки и дворян, её поддерживавших. После этого потрясения за Нижним Новгородом на Востоке перед путешествующим поэтом растлалась ещё малоизведанная часть западного пространства Великой Степи, названная «Европой». Начало переименования пространства древней Русской страны названием, заимствованным с греческой стороны, совпало с протестом вольных защитников

восточных рубежей Российской империи. Оконечность этой самой «Европы» в 1773 году воспылала внутренней войной. С 1774 по 1775 год вдоль её восточной границы и по Волге пронёсся ураган Крестьянской войны под предводительством донского казака Е.И. Пугачёва. Историкограф Александр Пушкин в архиве Петербурга обнаружил документы, относящиеся к этому забытому в Русской стране событию. Через 60 лет, под Нижним Новгородом, с отголоском эпохи начала распространения «Европы» от Днепра до Урала, он встретился с её чудовищным последствием. Ещё более чудовищным представлялось то, что убийца собственного ребёнка и матери сопровождала своё воспоминание весёлым смехом.

Что это? Кто это? Отчего и с какого периода происходит подобное зверство в среде народа, покорного светской и духовной православной власти? Кто и в каких целях пробудил в нём забытые звериные инстинкты? Когда и где они начнут своё распространение? Вопросы, вопросы, вопросы. Совсем недавно, даже в путешествии 1829 года, подобные вопросы у него отсутствовали. Теперь же, став историкографом России, Александр Пушкин принял решение не отступать перед поиском ответа на них. Теперь, в сентябре 1833 года, он располагается на пороге своих первых исторических открытий. Одно из них после бесед с А.Х. Бенкендорфом приоткрывало тайну

связи образования Российской империи и объявления её территории от Днепра до Урала географией псевдогреческой «Европы». Искусная рукотворность Российской империи и «Европы», исходившая на пространство Русской страны с территории католических монархов, имела определённую цель. Её следовало вскрыть для сведения последующих поколений народов Русского государства. С Запада на Восток на Русскую страну после наложения на неё «Европы» последует следующее наложение. Какое оно будет и откуда станет проникать в Россию? Не с той ли стороны, откуда под предлогом справедливости и свободы проводили оформление антигосударственного заговора новые дворяне? Поэт и литератор А.С. Пушкин на своём пути к Нижнему Новгороду многое вспоминал и выстраивал логические связи. В продвижении к местам народного восстания ему предстоит встречаться с участниками и свидетелями жертвенного и кровавого побоища, происходившего за четверть века до его рождения. Новая информация, новые знакомства, новые выводы. В дороге он понял, что современниками взаимной вражды и смертоносных сражений «огнём и мечом» в раннем детстве были его родители Сергей и Надежда Пушкины. Восстание достигало пределов Болдино. У него не было с ними разговоров на эту тему, как и бесед о многих иных значимых для страны исторических событиях.

В Нижегородской губернии крестьяне и дворяне со слов своих родителей, дедов и бабушек могли помнить о событиях 1774-1775 годов. О них знали, помнили, но никогда не вспоминали современники пугачёвского восстания Осип Ганнибал, Мария Пушкина, Лев Пушкин и Ольга Чичерина. Местность событий, где проходил бунт Пугачёва, о котором в силу государственного запрета никто не вспоминал с окончания XVIII века, располагалась под колёсами почтовой пролётки царского историографа. Прошло всего шесть десятилетий. В тех местах, где он жил и по которым провёл два длительных путешествия, никто ничего не знал о народном восстании, охватившем треть империи. А если кто и знал, то молчал. Промолчали наставники в Царском Селе. Промолчал историограф Николай Карамзин. Промолчали генералы Николай Раевский, Иван Инзов и многие другие родители друзей и товарищей по учёбе в Лицее. Кто и когда завёл порядок в Российской империи, по которому предавались забвению славные имена Отечества и события, потрясающие его основы? Следовательно, забывались и причины, вызывавшие к дей-

ствию как славных героев, так и сами события.*

Историографу Пушкину было странным вспоминать проповеди священников, обязанных Богом говорить народу Правду. В их речах он тоже не слышал о многом, что частичками открывалось из малодоступных для прочтения книг и недоступных архивных документов. Кто и по какой причине ограничивал их подготовку к служению только по церковным книгам? Не по той ли причине подданные империи не только ограничиваются, но и отстраняются от образования и получения знаний о своих предках и своём Отечестве? Пребывая в сонме размышлений, в сентябре 1833 года Александр Пушкин ступил на землю знакомого ему Нижнего Новгорода. Этот город объединил в сентябре 1611 года добровольцев разрозненных народов в единое ополчение. Здесь прозвучало эхо древнего Новгорода и эхо слов от волхва ильменских славян Гостомысла. Здесь откликнулось взаимное согласие старейшин «Словени и Кривици и Меря и Чудь» в 862 году к единению славянских народов Руси. В Новгород единоголосно на княжение был призван князь Рюрик, исполнивший данное ему поручение.**

*Поколение граждан СССР, увлекаемое европейскими ценностями, зная о Наполеоне, ничего не знало о том, что войско французов, вошедшее в Москву в 1812 году, было союзным войском всей западной «Европы». Подобное повторилось и с гражданами РФ, не знавшими о «европейской» разбойно-преступной агрессии в 1941 году.

**Разночтения историографов и литераторов о правде и легенде имени волхва Гостомысла и князя Рюрика неоднократно разбиваются о календарные события 1613, 1812, 1917 годов. Имена собирателей народов России и их единение на противостояние с врагами известны и не являются выдумками и легендами: Минин и Пожарский, Александр I и Кутузов, Ульянов (Ленин) и Джугашвили (Сталин).

Александр Пушкин понимал, что он пересекал невидимую черту государственного запрета, обозначенную императрицей Екатериной II. Прямым наследником этого запрета был её внук, император Николай I. В процессе исследования архивных документов он обнаружил исторические нити векового противостояния католического Запада с православным и мусульманским Востоком России. В целях получения временного помощника в войне с православно-мусульманской Россией агрессивно-колониальный союз западных монархов различными обещаниями кого-то склонил на свою сторону, а кого-то купил вначале среди мусульман Персии, а затем и среди мусульман Османской империи. Наблюдая за колонной каторжан, беседуя с русской красавицей, убившей пятилетнее дитя и свою мать, Пушкин символически ступил на грань времён и грядущих потрясений.

Александр Пушкин, проводя исследование, рисковал. В основу своего исследования он заложил честь и сословное положение дворянской фамилии Пушкиных, собственной семьи и личную свободу. Большую проблему составляло и постоянное отсутствие денег. Накануне рождения сына Александра он вынужденно обращался к Д.Н. Гончарову с признательным письмом. В июне 1833 года Александр Сергеевич впервые поделился с братом Натальи Николаевны семейной проблемой:

«Я не богат, а мои теперешние занятия мешают мне посвятить себя литературным трудам, которые давали мне средства к жизни. Если я умру, моя жена окажется на улице, а дети в нищете. Всё это печально и приводит меня в уныние. Вы знаете, что Наташа должна была получить 300 душ от своего деда; Наталья Ивановна мне сказала сначала, что она даст ей 200. Ваш дед не смог этого сделать. <...> Мне чрезвычайно неприятно поднимать этот разговор, так как я же ведь не скряга и не ростовщик, хотя меня в этом упрекали, но что поделаешь?» Находясь в Яропольце через два месяца после отправки этого письма, Александр Сергеевич не стал упорствовать и настаивать на возвращении тещей долга. Наталья Ивановна высказала ему вескую причину. Её сын Дмитрий Гончаров безумно влюбился в графиню Чернышёву. Предполагалось сватовство и венчание. Гончаровым предстояли большие расходы.

После их беседы Дмитрий Гончаров действительно сватался к Чернышёвым, но неудачно, его избранница отказала ему. Неприятность сына не изменила позицию Н.И. Гончаровой к существующему долгу зятю и обещанию перед дочерью. Занятые деньги, а также 200 крестьянских душ, обещанные в приданое дочери, как и положенные ежегодные денежные выплаты от хозяйства Гончаровых, — всё

осталось в распоряжении Натальи Ивановны.

Зная о неприятностях в устройстве судьбы Дмитрия, его сестра Наталья в своём письме постаралась его успокоить. О том, что долг в 12 тысяч рублей родственники не вернули её мужу, она догадалась по отдельным словам из посланий брата. Не ставя Александра Сергеевича в известность, Наталья Николаевна отправила 1 сентября 1833 года письмо к Дмитрию Николаевичу. Перед переездом с летней дачи в Петербург на съёмную квартиру она написала ему: «По поводу денег у меня к тебе просьба, которая, возможно, удивит тебя, но что делать, я сейчас в таком затруднительном положении, и не обратиться к мужу, местопребывания которого не знаю, потому что он путешествует по России, <...> вот почему я беру на себя смелость умолять тебя помочь мне в том стеснённом положении, в каком я нахожусь, при- слав, по крайней мере, несколько сот рублей, если, конечно, это тебя не обременит, в противном случае откажи мне наотрез и не сердись, что я обратилась к тебе с этой просьбой». Наряду с этим она уведомила брата: «Мой муж оставил мне достаточно денег, но я вынуждена была все их отдать хозяйину квартиры, которую я только что сняла; я не ожидала, что придётся дать задаток 1600 рублей, вот почему я теперь без копейки в кармане».

С ответом сестре брат неоправданно затянул. По этой

причине Наталья Николаевна вынуждена была предпринять самостоятельный поиск денег и заняла их в долг. После этого она получила деньги и от Дмитрия Николаевича. 27 сентября Наталья Николаевна известила брата: «Я только получила твоё письмо, дорогой Дмитрий, и благодарю тебя миллион раз за 500 рублей, которые ты позволяешь мне занять». Ограждая своего мужа от обвинительных разговоров в семье, она вторично известила Дмитрия о том, что Александр Сергеевич «и не подозревает, что я испытываю недостаток в деньгах, и у меня нет возможности известить его, так как в будущем месяце он будет иметь твёрдое местопребывание». По содержанию немногочисленных сохранившихся писем жена Александра Пушкина предстаёт не по годам взрослой и самостоятельной женщиной. Наталья Пушкина всемерно оберегала мужа от навалившихся на него со всех сторон проблем. Она никому не сообщала маршрут продвижения мужа и не делилась новостями, полученными из его писем. Кроме Дмитрия Николаевича, она никому не жаловалась на отсутствие денег в доме.

О состоянии дел в семье Александр Сергеевич узнавал из писем жены. За 3 месяца своей поездки он отослал Наталье Николаевне в Петербург 16 писем. Жена знала о маршруте его продвижения и местах пребывания. В ответных письмах Наталья Николаевна не позволяла себе

сообщать мужу о бытовых проблемах. Умолчала она и о крайнем затруднении с деньгами на аренду зимней квартиры.

В дни суеты Натальи Николаевны, связанной с переездом в Петербург и решением денежных проблем, Александр Сергеевич приехал в Нижний Новгород. Он в одиночестве бродил среди опустевших торговых рядов осенней ярмарки, вспоминал о своей холостяцкой поездке в Болдино в период эпидемии холеры 1831 года. В письме 2 сентября Александр Сергеевич сообщил любимой Таше: *«Сегодня был я у губернатора генерала Бутурлина. Он и жена его приняли меня очень мило и ласково; он уговорил меня обедать завтра у него. Ярмарка кончилась – я ходил по опустелым лавкам. Они сделали на меня впечатление балного разъезда, когда карета Гончаровых уж уехала. <...> Ты видишь, <...> я всё ещё люблю Гончарову Наташу, которую заочно целую куда ни попало»*. В его словах читается не только то, что он ласков со своей женой. В лукаво-кокетливой, присущей ему манере общения он таким образом просил у жены прощение за своё прошлое поведение, безосновательно обижавшее её.

Званный обед у Бутурлиных, на котором 2 сентября присутствовал Пушкин, посетили многочисленные гости Нижнего Новгорода. Губернатор знал об известности поэта и о том, что ему покровительствует император Николай I. По этой

причине губернатор и пригласил Пушкина в гости, проявляя небывалую щедрость в угощениях.

Среди гостей на званом обеде находилась знакомая губернаторши Бутурлиной, молодая особа Лидия Петровна Никольская. Так получилось, что Никольская, посетив мероприятие в доме подружки, стала автором строк, описавших внешний вид и поведение поэта: *«У Бутурлиных обедал молодой человек, нас не познакомили, и я не знала, кто он. Я запомнила наружность этого гостя, по виду ему было более 30 лет. Он носил баки. Немного смуглое лицо его было оригинально, но некрасиво: большой открытый лоб, длинный нос, толстые губы, – вообще неправильные черты; но что у него было великолепного – это тёмно-серые глаза с синеватым отливом – большие, ясные. Нельзя передать выражение этих глаз: какое-то жгучее и при этом ласкающее, приятное. Я никогда не видела лица более выразительного: умное, доброе, энергичное. Когда он смеялся, блестели его белые зубы. Манеры у него были светские, но слишком подвижные. Он хорошо говорит; ах, сколько было ума и жизни в его неискusstvenной речи! А какой он весёлый, любезный, прелесть! Этот дурняшка мог понравиться»*.

После отъезда поэта Анна Петровна Бутурлина спросила подружку: *«Насмотрелась на своего любимца?»* Лидия Петровна Никольская на её вопрос отреагировала с удивлением: *«На какого*

любимца?» Бутурлина сказала: «На твоего Онегина!» Никольская отреагировала: «Разве это был Пуш...»; Анна Петровна рассмеялась.

Многочисленные воспоминания современников и живописные изображения внешнего вида Александра Пушкина оставили потомкам многочисленные сведения о нём. Облик его сохранил ряд портретов, точность которых признавали он сам и его отец Сергей Львович Пушкин. А.В. Никитенко* после первой случайной встречи с Пушкиным на выходе из квартиры А.П. Керн в дневник 8 июня 1827 года записал: «Когда я уже прощался с ней (А.П. Керн), пришёл поэт Пушкин. Это человек небольшого роста, на первый взгляд не представляющий из себя ничего особенного. Если смотреть на его лицо, начиная с подбородка, то тщетно будешь искать в нём до самых глаз выражения поэтического дара. Но глаза непременно остановят вас: в них вы увидите лучи того огня, которым согреты его стихи — прекрасные, как букет свежих весенних роз, звучные, полные силы и чувства».

Невероятным представляется факт того, что случайные, краткосрочные встречи поэта с незнакомыми ему людьми оставляли у них воспоминания с добрым содержанием. В гостях у Бутурлиных находился отставной генерал Пётр Богданович

Григорьев. Его воспоминание о встрече с Пушкиным записал писатель П.Д. Боборыкин. Григорьев — свидетель разговора поэта с А.П. Бутурлиной. На её вопрос о том, что он делал в Болдино в 1830 году, Александр Сергеевич ответил: «Я даже говорил проповеди». Губернаторша удивилась. Он пояснил: «Да, в церкви, с амвона. По случаю холеры. Увещевал их: «И холера послана вам, братцы, оттого что вы оброка не платите, пьянствуете. А если вы будете продолжать так, то вас будут сечь. Аминь!» До этого разговора с Бутурлиной в письме из Болдино П.А. Плетнёву 29 сентября 1830 года Александр Сергеевич писал: *«Я бы хотел переслать тебе проповедь мою здешним мужикам о холере; ты бы со смеху умер, да не стоишь ты этого подарка...»*

После переезда из Нижнего Новгорода в Казань Пушкин отправил жене письмо в Петербург. В его содержании он впервые сообщил об основной цели своей поездки: *«Здесь я возился со стариками, современниками моего героя, объезжал окрестности города, осматривал места сражений, расспрашивал, записывал и очень доволен, что не напрасно посетил эту сторону. Погода стоит прекрасная, чтоб не сглазить только. Надеюсь до дождей объехать всё, что предполагал видеть,*

*Александр Васильевич Никитенко (1804—1877) с августа 1833 года состоял в должности цензора.

и в конце сентября быть в деревне».

Александр Сергеевич не назвал главного героя своего будущего исторического исследования. Он знал, что письмо могли случайно прочитать посторонние. О том, что отпуск свой он решил продолжить в Болдино, жену он оповестил. Это решение свидетельствует о том, что Наталья Николаевна скрыла от него все бытовые и денежные проблемы, позволив ему распоряжаться по своему усмотрению отпуском, предоставленным ему императором.

Приехав в Казань, А.С. Пушкин не мог далее скрывать основную цель своего исследования. Он нуждался в информации и в содействии при осмотре местности пребывания самозваного царя Петра III. Без помощи местного краеведа поиск свидетелей минувших событий был бы крайне затруднительным. Содействие и помощь историографу оказывали казанские дворяне и мещане. Их имена ему рекомендовали в Петербурге и Москве. В Казани Александр Сергеевич приступил к сбору краеведческого материала, связанного с именем донского казака Емельяна Ивановича Пугачёва. Историографы интересовали имена участников и свидетелей конкретных событий, происходивших в городе в 1774 году. В своей работе А.С. Пушкин применил новый метод. Он объединил свидетельства очевидцев исторического события с информацией, записанной на страницах архивных

документов. Этим методом в настоящее время пользуются для достоверности и доказательности своих открытий современные исследователи истории Русского Отечества.

Первой в Казани на труд столичного исследователя откликнулась своими воспоминаниями жена ректора Казанского университета Александра Андреевна Фукс. В текст подготовленного ею очерка «А.С. Пушкин в Казани» она записала то, чему была свидетелем: «Пушкин ехал в Оренбург собирать сведения для истории Пугачёва и по той же причине останавливался на одни сутки в Казани. Он знал, что в Казани мой муж, как старожил, постоянно занимавшийся исследованием здешнего края, всего более мог удовлетворить его желанию, и потому, может быть, и желал очень с нами познакомиться». Автор очерка сохранила сведения о том, что «Пушкин ездил тройкою на дрожках, один к Троицкой мельнице, по Сибирскому тракту, за десять вёрст от города, здесь был лагерь Пугачёва, когда он подступал к Казани. Затем, объехав Арское поле, был в крепости, обошёл её кругом и потом возвратился домой, где оставался целое утро, до двух часов, и писал».

Александр Пушкин посетил гостеприимный дом профессора Карла Фёдоровича Фукса. За чаем у них состоялся разговор о Пугачёве. После этого «Пушкин и Карл Фёдорович поехали к казанскому первой гильдии

купцу Крупеникову, бывшему в плену у Пугачёва, и пробыли там часа полтора...»* После возвращения Александр Сергеевич и Карл Фёдорович беседовали о магнетизме, сторонником которого был Пушкин. Он рассказал Фуксам о посещении гадалки в Петербурге в конце 1819 года. Александра Фукс была крайне удивлена «суеверием такого образованного человека».

В гостях у семейной четы Фуксов Александр Сергеевич задержался до часа ночи. Хозяйева дома неожиданно для них услышали из уст поэта, занимавшегося в последнее время прозой, такие слова: «О, это проза и стихи! Как жалки те поэты, которые начинают писать прозой; признаюсь, ежели бы я не был вынужден обстоятельствами, я бы для прозы не обмакнул пера в чернила». Хозяйева дома ещё более бы удивились, узнай они про то, что только проза и поэзия кормили Пушкина на протяжении 8 лет. Его существование с «подработкой» от издания сочинений продолжалось с лета 1824 до лета 1832 года.

Отзываясь ответным письмом к Наталье Николаевне из села Языково о посещении дома Фуксов в Казани, Александр Сергеевич 12 сентября ей сообщил: *«Муж её, умный и учёный немец, в неё влюблён и в изумлении от её гения; однако он*

одолжил меня очень, и я рад, что с ним познакомился». Далее в письме он проявил присущее ему лукавство, за которым осторожно и мастерски всегда укрывал ту долю правды, которая могла бы расстроить жену. После пощёчины, полученной от Натальи Николаевны за проявленное в её присутствии кокетство с посторонней женщиной, Александр Сергеевич старался не наносить раны её самолюбию не только своим поведением, но и содержанием письменных посланий. Он, упоминая в письмах о других женщинах, чаще всего излагал противоположное тому, что происходило. Александру Андреевну Фукс гость описал своей жене не с лучшей стороны. Причина этому проста. Он не хотел вызывать ревность у жены мимолётным словом. У Фуксов в Казани Александр Пушкин оставил 8 сентября любовное письменное приглашение посетить его в Петербурге по месту жительства. К тексту приглашения он добавил: *«Примите, Милостивая Государыня, изъявление моей глубокой признательности за ласковый приём путешественнику, которому долго памятно будет минутное пребывание его в Казани».*

Из Казани историограф-исследователь направился в Симбирск. По приезде в город Александр Сергеевич зашёл в дом

*В Казани поэт А.С. Пушкин встретился с поэтом Е.А. Баратынским. Он жил в имении своего тестя в Каймарах. Евгений Абрамович, узнав цель пребывания Александра Сергеевича в Казани, сопроводил его в дом 70-летнего купца Л.Ф. Крупеникова. Леонтий Филиппович рассказывал Александру Сергеевичу о своём пребывании в плену у Пугачёва.

губернатора А.М. Загряжского, родственника своей жены. При входе он оказался среди юных барышень 10-12 лет, учившихся танцам. Среди девочек находилась и единственная дочка губернатора Лиза Загряжская. Через несколько лет Констанция Ивановна Короткова (Габленц), присутствовавшая в кругу учениц в сентябре 1833 года, в очерке «А.С. Пушкин и симбирские старожилы» вспоминала: «Во время урока танцев по зале пронёсся слух, что приехал сочинитель А.С. Пушкин. <...> Мы все уже сидели по стульям и при его общем нам поклоне сделали ему реверанс; через несколько минут мы все с ним познакомились и стали просить его потанцевать с нами; он немедленно же согласился, подошёл к окну, вынул из бокового кармана пистолет и, положив его на подоконник, протанцевал с каждой из нас по несколько туров вальса под звуки двух скрипок, сидевших в углу». Дочь симбирского губернатора Елизавета Александровна Загряжская танцевала с Александром Сергеевичем Пушкиным. Через 10 лет в 1843 году она вышла замуж за Льва Сергеевича Пушкина.

В доме Загряжских Александру Сергеевичу передали письма от Натальи Николаевны. Ответ ей он написал через три дня в имени Языковых. Среди прочего жене он сообщил: «Я путешествоую, кажется, с пользою, но ещё не на месте и ничего не написал. Я сплю и вижу приехать в Болдино и там запереться.

<...> Целую тебя и всех вас – благословляю детей от сердца. Береги себя. Я рад, что ты не брюхата. Кланяюсь Катерине Ивановне и брату Сергею». Через месяц в письме из поместья Болдино Александр Сергеевич повторил свой вопрос. Он спросил Наталью Николаевну: «Что твои обстоятельства? Что твоё брюхо?» Августовское любовное прощание на летней даче беспокоило его не на шутку. Через несколько дней, получив успокаивающий ответ жены об отсутствии у неё беременности, он сообщил ей: «Радуюсь, что ты не брюхата и что ничто не помешает тебе отличаться на нынешних балах...» «Брюхатость» у жены Пушкина была. Закончится её беременность выкидышем плода: скажется бесконечная череда обязательных для дворянки танцев на Масленицу.

После прочтения писем, поступивших от Натальи Николаевны в Симбирск, очередные её послания Александр Сергеевич прочитал через месяц уже в Болдино. О проблемах с переездом и устройством по новому адресу жена ничего не сообщила мужу. Она берегла своего Сашеньку для его занятий в длительной и изнурительной поездке. Наталья Николаевна знала: если муж узнает, то непременно досрочно вернётся в столицу. Она была права и сыграла решающую роль в свободе творчества её мужа с августа по ноябрь 1833 года. Наталья Николаевна живёт желанием оказывать всемерную

поддержку творческим планам мужа. В свои бытовые и женские проблемы она его не посвящала. Кроме прочего, помогала ему в тех делах, решение которых не могло обойтись без помощника. Муж догадывался о её мытарствах, из Болдино привёз для жены подарок в стихах.

После посещения дома Александра Михайловича Загряжского Александр Сергеевич планировал познакомиться с материалами местного архива. Оказалось, всё сожжено городским пожаром. Два дня, запланированных им для работы с первоисточниками, оказались свободными. Он решил их использовать для поездки в имение братьев Николая, Александра и Петра Языковых, расположенное поблизости от Симбирска. Переночевав в доме губернатора А.М. Загряжского, отправился в имение к братьям Языковым. В их доме путешественник застал только Петра — старшего из братьев. Проведя ночь в имении, вернулся в Симбирск. Родственники Натальи Николаевны вторично встретили его приветливо и гостеприимно. А.М. Загряжский в честь приезда мужа своей племянницы 12 сентября организовал обед. По окончании семейного мероприятия Пушкин снова выехал в имение Языковых.

Второй его приезд в имение (13 сентября) братья Николай и Пётр отметили семейным обедом. На память о своём пребывании Александр Сергеевич на оконном стекле алмазом своего

перстня процарапал своё имя. Причину вторичной поездки в имение Языковых в письме к жене 14 сентября Пушкин оправдал дорожной приметой. Чтобы избежать излишних разговоров, он сообщил ей про зайца, перебежавшего дорогу его коляске, и что в первый раз до имения не доехал. Причина двух поездок по одному адресу была иной. О её содержании знали, но сохранили в тайне братья Языковы.

Отголосок его тайны прозвучит ещё раз, когда поэт А.С. Хомяков в мае 1836 года будет свататься к Екатерине Михайловне Языковой. В письме 6 мая Александр Пушкин сообщит жене: *«Поэт Хомяков женится на Языковой, сестре поэта. Богатый жених, богатая невеста»*. Во втором письме от 11 мая он напишет: *«Видел я невесту Хомякова. Не разглядел в сумерках. Она, как говорил покойный Гнедич, не красавица, но хорошенькая фигурка (фр.)»*. Александр Сергеевич, будучи психологом женской души, лукавил перед Натальей Николаевной ради сохранения её самолюбия. Он был очарован неповторимой красотой Екатерины Языковой*.

На следующий день 14 сентября Александр Сергеевич снова возвратился в Симбирск. После возвращения в город ему удалось побеседовать с 80-летним участником событий 1773-1775 гг. При «царе Петре III» (Е.И. Пугачёве) он был фореитором. После посещения Симбирска Пушкин переправился на левый

берег Волги. Отсюда его путь пролегал в направлении конечного и основного пункта его исследования — в город-крепость Оренбург.

О прошлом своём желании посетить ссыльных в Сибири автор стихотворения, ободряющего каторжан, никаких воспоминаний не оставил. Ехать в сибирскую даль, где жили ссыльные дворяне и участники государственного переворота на Сенатской площади, он отказался ещё в 1829 году. В тот год на Кавказе он встречался с участниками вооружённого бунта, пожелавшими отправиться на войну. После той встречи у Александра Сергеевича были и другие встречи с бывшими каторжанами. Было у него и много времени для изучения, анализа и сопоставления многих фактов события, происшедшего 14 декабря 1825 года в Петербурге. Его выводы, основанные на изучении эпохи, в которой он жил, не разделяли воззрения и цели мятежников. Ему претил лживость западных масонских идей о справедливости

и свободе. Пушкин знал, что к 1833 году многие из участников тайного заговора сами не одобряли своё участие в вооружённом восстании.

Пушкин отказался от поездки в Сибирь, и конечным пунктом путешествия оставалось обозрение им условной границы «Европы», в реальности делившей Российской империю на две части. Он должен увидеть её и понять причину её закрепления на территории Русского Отечества. В начале 1830-х годов, занимаясь углублёнными познаниями событий календаря мировой истории и истории Русского Отечества, являясь свидетелем и современником революций на Западе, потомок старого русского боярского рода Александр Пушкин находился на противоположных позициях от воззрений и устремлений новых дворян.**

В Оренбург Пушкин ехал с определённой исследовательской целью. Его интересовал вопрос о причине вооружённого мятежа яицких казаков, переросшего в народное восстание на Среднем

*В красавицу Екатерину Языкову был влюблён писатель и сподвижник Серафима Саровского, помещик Симбирской губернии Н.А. Мотовилов. Он был старше её на 8 лет. Отказ от Екатерины он получил в мае 1832 года. В мае 1836 года к Е.М. Языковой сватался поэт А.С. Хомяков. У Екатерины Михайловны и Алексея Степановича в семье родились семь детей. Скоропостижная смерть Е.М. Хомяковой 26 января 1852 года потрясла писателя Н.В. Гоголя, доверявшего ей свои сокровенные мысли, связанные с посещением Святой земли. Наутро после первой панихиды он сказал поэту А.С. Хомякову: «Всё для меня кончено...» История русской литературы сохранила слова Н.А. Мотовилова, высказанные им о Е.М. Хомяковой С. Саровскому: «Она хоть и не красавица в полном смысле этого слова, но очень миловидна. Но более всего меня в ней прельщает что-то благодатное, божественное, что просвечивается в лице её».

** Авторами забвения имени и творчества А.С. Пушкина в 1837 году выступили новые дворяне и бывшие масоны. Николай I их поддержал, чем выписал себе и своим потомкам приговор. Приговор состоялся в 1855 и в 1917 годах. В 1937 году забвение имени А.С. Пушкина было приостановлено, а его творчество возвращено к жизни Русской Культуры.

Урале, в Башкирии и в Поволжье. Историю правления Петра I невозможно изложить, не познавая истоков протестного настроения православных староверов Дона и Южного Урала. Стихийный казачий бунт в Уральске в 1772 году через год повторился. В сентябре 1773 года бунт имел черты организованного вооружённого протеста. За несколько дней он перерос в сражение с гарнизоном Уральской крепости. Вооружённые казаки во главе с самозванным царём Петром III продвинулись через Илекскую станицу с боями по Оренбургской пограничной линии к Оренбургу. Из-под Оренбурга, пополняясь беглыми и рабочими уральских заводов, организованное вооружённое войско казаков с 1774 года переросло в масштабную войну с регулярными войсками Российской империи.

Вооружённый бунт казаков 1773 года поддержала гонимая царской властью Русская старообрядческая Церковь. Она не подчинилась реформам патриарха Никона после 1655 года. Трудовой народ восстал против дворян-помещиков и чиновников, представлявших на местах столичную власть императрицы Екатерины II. Казаки, монахи, старообрядцы и часть офицеров регулярной армии стояли на позициях возвращения на трон русского царя Петра III; в его родословной значилась дочь Петра I Анна Петровна. Он хоть и первооткрыватель династии Гольштейн-Готторп-Романовых,

но представлялся удобной ширмой прикрытия для тех, кто был противником нахождения на русском троне императрицы-немки. Самозванство второй половины XVIII века, прикрытое именем царя Петра III, имело корни своего происхождения в самозванстве царевичей и царей в Русской стране с 1598 по 1613 год. К началу 70-х годов XVIII века оно имело два основных заграничных источника происхождения и финансирования в условиях войны Российской империи с Речью Посполитой (1768-1772). Военным противником России в период с 1768 по 1774 год выступала Османская империя. Внешние противники России при поддержке не только Франции, но и Англии использовали восстание казаков Южного Урала в порядке политической дестабилизации Российской империи.

Про центр вооружённого противостояния восставших казаков против царской власти немецких кровей А.С. Пушкин прочитал в архивных документах. На их страницах он обнаружил обозначение Е.И. Пугачёвым «второй Москвы», «золотых палат». Атрибуты власти самозванного царя располагались на территории Бёрдинской станицы, в семи вёрстах от Оренбурга. Задуманный труд по истории Пугачёва следовало начинать с посещения и исследования местности, расположенной около этого города.

Путь от Волги до слияния рек Сакмары и Урала и новообъявленной восточной границы

«Европы» оказался долгим и изнурительным. В пути Александр Сергеевич многое передумал и вспомнил. Лесостепная территория богатого плодородной почвой междуречья реки Волги и рек Самары, Сакмары и Урала оказала на размышления определённые выводы. На эту территорию, к восточной границе новообъявленной «Европы», Екатерина II провела переселение немецких трудовых мигрантов.

Впечатления о своей поездке он изложил в письме от 19 сентября 1833 года, написанного им в Оренбурге и отправленного Наталье Николаевне Пушкиной в Петербург. В письме нет слов восторга о проведённом им путешествии от Волги до Урала. Пушкин не только устал от дальней дороги, но и не решился беспокоить ревнивый характер молодой жены. В реальности его поездка на протяжении прошедшего месяца заполнена многочисленными встречами и приключениями. От Нижнего Новгорода до Оренбурга он регулярно ловил на себе обожающие взгляды местных дам, встречавших его в аристократических домах. Поэт, вспоминая юность, с удовольствием выслушивал слова восторга в свой адрес от почитательниц его литературного таланта. Об этой приятной части поездки в письмах жене он особо не распространялся. Утаивал их и от своего бесшабашного и склонного к пьянству слуги, которого взял с собой в дорогу.

Путешественник сохранил события отдельных приключений в пути от Москвы до Оренбурга в архиве своей памяти. Он планировал использовать их в будущих литературных сюжетах своих сочинений.

О своём пребывании в Оренбурге ранним утром 19 сентября он написал: *«Я здесь со вчерашнего дня. Насилу доехал, дорога прескучная, погода холодная, завтра еду к яицким казакам, пробуду у них дня три – и отправляюсь в деревню через Саратов и Пензу. ...Мне тоска без тебя. Кабы не стыдно было, воротился бы прямо к тебе, ни строчки не написав. Да нельзя, мой ангел. Взялся за гуж, не говори, что не дюж – то есть: уехал писать, так пиши же роман за романом, поэму за поэмой. А уж чувствую, что дурь на меня находит, – я и в коляске сочиняю, что ж будет в постеле? Одно меня сокрушает: человек мой. Вообрази себе тон московского канцеляриста, глуп, говорлив, через день пьян, ест мои холодные дорожные рябчики, пьёт мою мадеру, портит мои книги и по станциям называет меня то графом, то генералом. Бесит меня, да и только. Свет-то мой Ипполит! Кстати, о хамовом племени: как ты ладить своим домом? Боюсь, людей у тебя мало; не наймёшь ли ты кого? На женщин надеюсь, но с мужчинами как тебе ладить? Всё это меня беспокоит – я мнителен, как отец мой».*

В дальнюю дорогу из Петербурга в Оренбург, жалея пожилого Никиту Козлова, Пушкин взял другого помощника. Он оказался человеком ленивым и склонным к употреблению спиртного. Терпел его беспардонное поведение Александр Сергеевич долго. После приезда в Москву его терпение лопнуло, и он вытолкал из коляски на дорогу надоевшего пьяного слугу-попутчика. Смешной на первый взгляд эпизод на самом деле таковым не является. Он символичен. Сам исследователь не придал ему никакого значения. Но его письмо от 19 сентября 1833 года говорит о том, что в Оренбурге в это утро автор отражал одного Пушкина, а на другой день из города выехал уже совершенно иной Пушкин. На незапланированном им пути из Оренбурга в Уральск и в Болдино он вытолкнул из себя много теперь уже ненужного. В семью Александр Пушкин вернулся уставшим и, кажется, внешне тем же. В реальности оказалось, что в Петербург возвратился духовно преображённый, нравственно изменившийся человек.*

В двух последних предложениях письма к жене у Пушкина впервые проскальзывает проснувшееся в нём чувство ревности. Повода к этому нет. Секрет

ревности прост. Александр в любви мнителен и ревнив, как и его жена. Отец его, Сергей Львович Пушкин, будучи воспитанным на французский лад в детстве, став взрослым мужчиной, по характеристике от сына был *«пустым и бестолковым»*. Он, пребывая во взаимной любви и душевной привязанности к жене, бесосновательно и постоянно ревновал свою *«прекрасную креолку»*, верную ему Надежду Осиповну. Зная о ревнивых жёнах, надо знать и то, что неревнивых мужей не бывает. У Александра Сергеевича основания для беспокойства за красавицу жену имели место быть. Он долго отсутствовал дома, а богатство воображения в нём никогда не дремало.

Чувство ревности проснулось и дало о себе знать и у Александра Сергеевича. Его пробудили подострастные взгляды на жену не только от посторонних мужчин, но и от друзей. В этом скромностью не отличались женолюбы Пётр Вяземский и Сергей Соболевский. В аристократическом обществе присутствовала французская мода на свободную любовь. Этих правил придерживалась императорская чета Александра Павловича Романова. В наследство от него негласные правила

* До работы над эпосом четырёх канонов «Особое предназначение» автор по документам и первоисточникам составил биографию Афанасия Соколова (Хлопуши) и его кума Ивана Тимашева. Афанасий был женат на родственнице Тимашевых, молодой девице и жительнице Бердинской станицы Анне Ивановне. События, связанные с именами этих трёх персонажей середины XVIII века, оказывают потрясающее впечатление силой любви в семье и преданностью в личной дружбе двух мужчин. Не исключено, что Пушкин, узнав семейную тайну Тимашевых и Соколовых, был потрясён сердцем и душой. Подобное потрясение открывает автору путь к созданию гениального творения.

заграничной моды соблюдал, с позволения собственной жены, и его младший брат Николай Павлович Романов. Дворянину Пушкину всё это было известно от тех, кто повседневно пребывал рядом с императрицей. От глаз любопытных спрятаться невозможно даже под одеялом в собственной спальне, тем более в столице. Мужчины бахвалились количеством своих «побед». Не чурался этой моды до 1833 года и автор многочисленных стихов о любви.

В Российской империи среди дворян-помещиков в 1830-е годы продолжало существовать право первой ночи. После 1825 года некоторые из поместных дворян, выходявших на Сенатскую площадь с целью «освобождения крестьян от крепостного права», бахвалились о продолжении использования этого права. Один из известных «декабристов», славу которых вознёс за пределами России А.И. Герцен, откровенно сокрушался о том, что на каторге был лишён этого права.

В окружении императрицы страстные желания её мужа выполняли незамужние фрейлины. Противозаконное и негласное «право возложения ляжки» зародилось в средние века на территории западных монархий. После этого оно проследовало в дома офранцузенных помещиков деревень и сёл онемеченной Российской империи во второй

половине XVIII века.* Особое распространение половая наглость наиболее распущенных и безнравственных дворян получила в период царствования Екатерины II. Сладострастная императрица-немка ради укрепления своей власти на русском троне даровала своим приближённым период, названный золотым. За позолотой этого века укрывался не только процесс продолжения раскола среди православных христиан, но и зарождение воинственного российского атеизма. Он начинал свою войну с православием и насмехался над религиозными обрядами мусульман.

Наталья Николаевна в 1833 году соответствовала своему возрасту и сословному положению дворянки. Она была супругой славного и известного в Российской империи поэта. Молодая женщина, отправляясь на светские рауты, желала не только наряжаться. Как и все женщины, она тайно, на генном уровне, хотела нравиться красивым мужчинам. В этом жена Пушкина ничем не отличалась от иных женщин всех времён и народов. Ей было свойственно неистребимое природное психологическое состояние. Без него женщина превращается в существо среднего рода. Наталья Николаевна была женственной натурой, воспитанной на основах русского православного «Домостроя»,

*Право первой ночи разрушает миф о «европейских ценностях». Отдельные современные историки прилагают словоблудие, представляя читателям отсутствие этого варварского обычая среди помещиков и дворян России в XIX веке. Современный мир западных народов разрушил последние островки европейского мифа.

требующего уважения к иным религиозным обрядам. При всём супружеском старании и любви к своему Сашеньке психологически она не могла ограничить себя в кокетстве с другими мужчинами. В аристократическом дворянском обществе столицы Наталья Николаевна вела себя так, как было принято вести себя замужним дворянкам. Иному поведению она не была обучена. То, что подобное поведение имеет подоплёку и чревато последствиями, жена Александра Пушкина до августа 1836 года никак не воспринимала. Её существо требовало внимания. Она его получала. В её поведении сказывались домашнее воспитание и молодость лет, при этом отсутствовал опыт поведения в светском обществе. Жена Пушкина, любя своего мужа, уверовала в свою непогрешимость. Наталья Николаевна надеялась на свой твёрдый характер, доставшийся ей от матери, и неприступные принципы воспитания «Домостроем».

В юности у каждого поколения отсутствует самое главное — житейский опыт. В 1833 году Наталья Николаевна, будучи замужней женщиной, ещё не обладала знаниями о существующей и не изменяемой веками зависти к женской красоте и к мужской славе. Красоту и славу, принадлежность к дворянскому сословию она воспринимала защитным барьером для себя и своего мужа. Молодости свойственны ошибки. Роковую подоплёку её

самоуверенности в личной непогрешимости подогрели и использовали в своих целях недруги и враги литературного творчества и исторических исследований её мужа. Такова судьба всех роковых женщин, имена которых вписаны в мировую историю.

Дворянский, офранцузенный вольностями период первой трети XIX века России сменила его вторая треть. В её период Петербург продолжил активно приучаться к «европейской» жизни. Свобода обновлённых взаимоотношений и вседозволенности, распространение атеизма и учений о вольности, свободе и социализме активно взламывали остатки православных межличностных устоев и семейных домостроевских ценностей русской семьи. В светском обществе образованных аристократов зачинались ложь и интриги, свойственные поколению новых дворян. Человек, живущий на природе, неизменен. Изменения в его поведении проводит скученность толпы людей, свойственная городу. Индивид, участвуя в обновлении своей свободы, в условиях урбанизации попадает в собственное ложное представление о своей неприметности в массе людей. Чем больше он попадает в силки этого самомнения, тем безнравственнее и преступнее становятся его поступки. У этого процесса есть и вторая сторона. Будучи неприметными, индивиды в городе часто устремляются к тому, чтобы о них узнали. Каким способом и по каким делам — их не интересуется.

Процесс слома православной нравственности начинался дворянами в начале XVIII века, продолжался их потомками в XIX веке. Пример офранцузенного и онемеченного поведения привилегированного сословия перенимался городскими мещанами. В книжные магазины городов России русские читатели шли за французскими, немецкими и английскими книжками. Чтение светской литературы, в которой отражались приключения, заговоры и интриги, переходило в модное течение. После 1815, а тем более после 1825 года участие в дискриминации чести известного человека не считалось зазорным. Более того, оно признавалось увлекательным азартом. Развлекательной литературе следовал театр. Сюжеты театральных постановок перетекали в реальную жизнь. До обратного процесса любителям театра оставался ещё целый век.

К слову остатков порядка, основанного на «Домострое», Наталья Пушкина, воспитанная в жёстких условиях соблюдения нравственных правил поведения в семье и обществе, оказалась не готова. Вырвавшись из московских домашних правил строгой матери, в столице она, как и все провинциалки, готова копировать то, на что её настраивали временные и постоянные наставницы. Реагируя на замечания своего мужа о последствиях женского кокетства с мужчинами, в период его длительного отсутствия дома во второй половине

1833 года она передоверялась собственному самомнению и урокам своих наставниц из числа родственниц, фрейлин, княгинь, графинь и завсегдаев Зимнего дворца. Ещё не зная внутренней подоплёки наставлений от опытных развратниц, молодая женщина увлеклась предлагаемым ей азартом погони за взглядами мужчин. Итоги усвоенных ею уроков оказались крайне неудовлетворительными.

Наталья Николаевна, активно оказывая помощь своей сестре Екатерине в поиске жениха, на основании усвоенных ею уроков со второй половины 1834 года сама стала наставницей. Не совершая ничего предосудительного и безнравственного, она вовлекла сама себя в эпицентр «людоворота» злобной столичной интриги, направленной против Александра Сергеевича Пушкина.

Адреналин в крови молодой и красивой женщины естественно закипал от взглядов императора и его танцевальных па на аристократических балах. Наталья Николаевна предпринимала попытки действовать вопреки своей женской психологии, и ей по большей части удавалось овладевать своими чувствами. Но произошла непредвиденная случайность, исток которой был естественным. Роковую роль в её судьбе первой сыграла прямая родственница, троюродная сестра Идалия Полетика. Движение к трагической бездне продолжила она сама. Природа женской натуры, заполненная стремлением

оказать услугу родным сёстрам, переборола увещевания и рекомендации мужа. Не остановили Наталью Николаевну и робкие наставления со стороны средней сестры Александры.

Группа непримиримых противников русской культуры и нравственности, кроме скрытого противостояния Александру Пушкину, использовала в своих низменных целях красоту его жены. Люди, готовившие безобразную и безнравственную интригу против поэта, всё подмечали и брали себе на заметку. Организаторы интриги, стоявшие на позициях «европейских ценностей» в Петербурге, использовали разнонаправленные действия, происходившие под крышей арендованной квартиры Пушкиных.

Наталья Николаевна жила в замкнутом пространстве столичных устоев высшего света Петербурга. Аристократический блеск праздников увлекал её в мир новых интересов и поступков. Очарованная внешним изыском и роскошью, она ещё не понимала глубинной сути царского двора. Жена Пушкина, приезжая на бал, растворялась в нём. Молодая женщина, вырвавшись из замкнутого московского пространства, заполняемого диктаторским характером матери, радовалась своему счастью и свободе. Православная христианка, живущая религиозным мировоззрением, она не смогла противостоять влиянию бушующих столичных страстей. Её постоянно спасало

только одно. У жены Александра Пушкина присутствовала редкая особенность. Она была не только красивой, но и умной женщиной. Рациональность её разума оказалась твёрдой преградой негативу. Навязать ей своё мнение никто не смог. Этому в биографии Наталья Николаевна нет ни одного примера. Наталья Николаевна верила словам Александра Сергеевича и полностью доверяла ему. Ташин любимый Сашенька об этом знал.

Текущая столичная жизнь предлагала многое из того, о существовании чего в Москве Наталья Пушкина не догадывалась. Обладая внешней красотой, Наталья Пушкина не могла отказать от того, что предлагала ей эпоха, в которой она жила. Муж способствовал её успехам среди иных красавиц Петербурга. Иногда он предупреждал её об опасностях, но за платье жену никогда не удерживал. Он доверял до начала 1834 года свою Ташу её любимой тётушке Е.И. Загряжской. Затем вынужденно передоверил её старшим сёстрам Гончаровым, переехавшим в Петербург на жительство в его съёмную квартиру. Александр Сергеевич был уверен в неподатливости Натальи Николаевны никаким внешним соблазнам. Дальнейшая семейная жизнь Пушкиных подтвердила его доверие. Перед ложью и врагами она всегда оставалась хозяйкой своей семьи. До последнего дня жизни Александра Сергеевича и в своей личной судьбе она оставалась непорочной

православной христианкой. Все реальные сведения, лишённые зависти и лживых обвинений, порочность жены А.С. Пушкина отрицают. Всё, что происходило с ней, Наталья Николаевна рассказывала Александру Сергеевичу без лукавства, правдиво отвечала на его вопросы. Это было её личное достоинство, которое муж ценил превыше всего.

Наталья Пушкина по своей сословной принадлежности не могла избегать приглашений от императорского двора и распорядителей салонов столичных аристократов. Уклонение от посещения праздников и светских вечеров воспринимался верхом неуважения к дворянскому обществу. Летом от приглашений и посторонних людей Александра и Наталью Пушкиных спасала дача. Они сообщали свой адрес проживания только родственникам и самым близким друзьям семьи. Заниматься приёмом гостей в порядке соблюдения дворянского этикета Александр Пушкин с начала 1832 года не имел ни времени, ни желания.

Свою семейную жизнь после Москвы Пушкины начинали в Царском Селе, укрывшись в тени его парка от столичных приглашений и денежных трат. С первых же месяцев семейной жизни Наталья Пушкина не стала барыней. Она была супругой своего знаменитого мужа. Процесс узнавания его характера прошёл у неё в ускоренном темпе. То, что он проигрывал деньги в карты, для неё не было трагедией. Французская

мода игры в карты «на интерес» пришла в Москву из Парижа после 1815 года. К ней она привыкла с раннего детства. Французским мотовством помещиков возмущались мещане и крестьяне. По этой части показательное мнение бывшего крепостного крестьянина, профессора русской словесности Александра Никитенко, получившего вольную и ставшего с 1833 года цензором произведений А.С. Пушкина.

После мимолётного знакомства со знаменитым в Российской империи поэтом А.В. Никитенко в свой дневник 22 сентября 1827 года записал: «Поэт Пушкин уехал <...> в деревню. Он проигрался в карты. Говорят, что он в течение двух месяцев ухлопал 17 000 руб. Поведение его не соответствует человеку, говорящему языком богов и стремящемуся воплощать в живые образы высшую идеальную красоту. Прискорбно такое нравственное противоречие в соединении с высоким даром, полученным от природы». Дальнейшее содержание текста дневника свидетельствует о высоком таланте и прозорливости его автора. Александр Никитенко продолжил: «Никто из русских поэтов не постиг так глубоко тайны нашего языка, никто не может сравниться с ним живостью красок в картинах, созданных его пламенным воображением. Ничьи стихи не услаждают души такой пленительной гармонией».

Юноша 22 лет от роду, вышедший из рода русских крестьян,

думавший в отрочестве о самоубийстве по причине крепостнической зависимости и невозможности обучаться в гимназии, оставил в истории русской литературы свой вывод: «И рядом с этим, говорят, он плохой сын, сомнительный друг. Не верится!.. Во всяком случае, в толках о нём много преувеличений и несообразностей, как всегда случается с людьми, которые, выдвигаясь из толпы и приковывая к себе всеобщее внимание, в одних возбуждают удивление, а в других — зависть». Александр Васильевич в своём юношеском субъективном выводе в 1827 году оказался прав в оценке не только настоящего, но и грядущего в судьбе А.С. Пушкина.

Поэта, прозаика и историкографа по правую сторону от него сопровождала зависть. По левую, там, где располагаются душа и сердце человека, — удивление и восхищение. После 1833 года пришло время, когда не только в своей семье, но и в роду Пушкиных Александр Сергеевич проявил себя заботливым сыном в родном Отечестве. Самым поразительным в этом явлении оказалось и то, что Наталья Пушкина для семьи Гончаровых оказалась самой заботливой дочерью, сестрой и женой.

Начало дискредитации чести и достоинства жены А.С. Пушкина достоверно известно. Оно начиналось и проходило на квартире родственницы дворян Гончаровых по роду графа Строганова. С мстью, извечно

сопровождающей зависть людей, после трёхмесячного общения с Идалией Полетикой Наталья Пушкина столкнулась впервые. Безобразная сцена в казарме полка кавалергардов, организатором которой выступила Идалия Полетика, получила огласку и способствовала зарождению первой, но самой стойкой сплетни, которой активно воспользовались недоброжелатели А.С. Пушкина.

Его жена Наталья Пушкина иногда пыталась скрываться от аристократического общества в семейных заботах о муже и доме. Эта преграда, за которой ей действительно можно было бы укрыться в столице, скоро была ликвидирована решением Николая I. От родной тётки, получившей огромный опыт в период её пребывания фрейлиной императрицы, оградительные рекомендации любимой племяннице не поступали. Екатерина Ивановна Загряжская, наряжая племянницу на очередной бал к императору, предоставляла красавице Наташе полную свободу. Она действовала по своему усмотрению и опыту прожитых лет в Зимнем дворце рядом с царствующими особами. Ничего иного Наталье Пушкиной её любимая тётка Екатерина Загряжская предоставить не могла.

Александр Пушкин о распущенности закулисных нравов, прикрытых царственной мишурой, был хорошо осведомлён с лицейских лет обучения в Царском Селе. В стенах казармы кавалергардов, на лужайках парка

и на берегу озера проходило много страстного. Всё происходящее с ещё большей страстью обсуждалось. Он и сам однажды, преследуя юную особу в тёмном коридоре переходов, в реальности одарил поцелуем родовитую и возрастную тётку. В Петербурге в конце 1833 года ещё не утихли страстные сплетни о развалившейся семье кавалергарда Безобразова. Скандал утихнет после того, как император вернёт его с Кавказа и назначит командиром полка кавалергардов. Пётр Ланской, единственный друг наёмного служебного мигранта Дантеса, стоявший за дверью квартиры Идалии Полетики в момент нахождения в ней Н.Н. Пушкиной, тоже удостоился подобной чести. Пребывая в должности командира полка кавалергардов на протяжении нескольких лет, командиром этого полка он был всего один день. Не за те ли минуты он был одарён званием генерала, что провёл за дверью в роли свидетеля для очередной громкой и наполненной страстью сплетни?

На светских мероприятиях Наталья Пушкина, увлекаемая наставницами, праздничным блеском и вниманием, по молодости, а иногда и по женской безрассудности позволяла увлекать себя в танцы австрийским, французским, нидерландским и прусским посланникам. В октябре 1832 года Александр Сергеевич в письме увещевал жену: *«...кокетишься со всем дипломатическим корпусом, да*

ещё жалуешься на своё положение... жёнка, жёнка!» Предупреждения мужа оказались прозорливыми. Среди не танцующих иностранных послов пребывал посланник короля Нидерландов Л. Геккерн, поверенный в делах Петербурга, внимательно наблюдающий за столичной аристократией дипломат и резидент «европейской» разведки.

Среди прочих дипломатических заданий ему поручено секретное наблюдение за Александром Пушкиным. Первой причиной иностранного интереса к нему послужило выверенное историей прошлых лет стихотворение «Клеветникам России». Западные аналитики обнаружили в общественной активности русского поэта талант и способность предоставлять реальные оценки международным событиям. Внимание к нему стало персональным после его назначения на должность титулярного советника МИД Российской империи. Вторая причина исходила от того, что личным цензором его работ был император Николай I. Историограф А.С. Пушкин воспринимался на Западе его советником. Была и третья. Пушкин постоянно контактировал с самой влиятельной персоной в Российской империи — графом Бенкендорфом.

Планируя проведение интриги, нидерландский королевский посланник использовал особенности характера А.С. Пушкина, молодость и красоту его жены. Советниками европейского дипломата Геккерна станут глава

МИД Нессельроде и чиновник Российской империи Строганов. Посол Л. Геккерн был вхож в их семьи. Нессельроде и Строганов воспринимали наполеоновского барона своим другом.*

До начала событий, происходивших в первой половине 1834 года, в своём наставлении жене Александр Сергеевич конкретен. Обращаясь к ней, он увещевал Наталью Николаевну: *«Не кокетничай с царём, ни с женихом княжны Любы»*. ОпрOMETчивая фраза оказалась с прозорливым содержанием. Во второй половине 1833 года, в период отъезда Александра Сергеевича, на роль главной наставницы к его жене подобралась Идалия Полетика. Наталья Николаевна была дружна и откровенна со своей дальней родственницей. Она обладала приятной наружностью, говорила умные речи, всё знала о происходящем в Зимнем дворце.

В письме, отправленном из Болдино 11 октября 1833 года, Александр Сергеевич приоткрыл Наталье Николаевне тему любовного треугольника. Кавалергард Сергей Безобразов — жених фрейлины Любои Хилковой. Император Николай — её любовник. Свадьба Сергея и Любы состоялась 10 ноября 1833 года.

Семейное счастье молодожёнов продолжалось несколько дней. Закончилось оно в один момент. В постели со своей супругой, ворвавшись в собственные покои с саблей наголо, ротмистр обнаружил венценосного царя. Саблю сломал, любовников изгнал.

Все эти взаимосвязанные события в столице ещё предстояли в жизни Пушкиных. Теперь же, в середине сентября 1833 года, преодолев междуречье Волги и Кинеля, а затем Самары и Сакмары, Александр Пушкин подъехал со стороны Чернореченской станицы утром 18 сентября. На левый берег реки переправились в девятом часу утра. Поднявшись на очередное междуреченское луговое плато из лесной поймы реки Сакмары, обогнув основание Маячной горы с её восточной стороны, около 10 часов утра коляска Пушкина подкатила к загородной резиденции генерал-губернатора В.А. Перовского. После своего назначения в Оренбургскую губернию 15 апреля 1833 года с лета он временно проживал на загородной даче вместе со своей гражданской женой. Генерал Перовский накануне приезда Александра Пушкина арендовал в Оренбурге на зиму дом «мурзы полковника Тимашева». Особенно готовили к его переезду на

* Аналитический обзор, проведённый автором эпоса «Особое предназначение», указывает на начало комплексной практики европейской разведки и дипломатии, опробованной впервые на дискредитации титулярного советника А.С. Пушкина с последующим его убийством. Апробация опыта не имела наказания и прошла без глубокого государственного расследования. Её повтор осуществлялся в 30-е годы XX века перед Второй мировой войной Третьего Рейха с СССР. Третий повтор происходил в 1990-е годы и стал предлодией НАТО к началу Третьей мировой войны с Россией.

постоянное место жительства. Комнаты дома, расположенного в центре города, протапливались, в них завозилась мебель.

Знакомство Александра Пушкина с Василием Перовским имело давние истоки. Оно началось через их общение с писателем Алексеем Алексеевичем Перовским в 1820 году. С братом писателя знакомство состоялось через поэта В.А. Жуковского. В день мятежных событий 14 декабря 1825 года рядом с императором Николаем I на Сенатской площади постоянно находился флигель-адъютант В.А. Перовский. От Александры Смирновой-Россет Александр Пушкин слышал краткую и достоверную характеристику генерала: «Перовский <...> красив, храбр и добр». В добропорядочности и честности генерала Василия Перовского Александр Пушкин к своему приезду в Оренбург неоднократно убеждался в Петербурге. Товарищеские связи с вновь назначенным оренбургским губернатором подкреплял и его родной брат, писатель Алексей Перовский, издававший свои произведения под псевдонимом Погорельский.

Губернатор Перовский предложил Пушкину остановиться на отдых после дальней дороги в своей загородной резиденции. Между Василием Алексеевичем и Александром Сергеевичем уже не первый год существовало взаимное уважение, их не разнил и возраст, объединяла эпоха и служба Отечеству. За утранным

завтраком они согласовали план работы историографа на следующий день. Губернатор отдал соответствующие распоряжения. По предложению Василия Перовского Александр Пушкин остановился на отдых в летней резиденции до утра 19 сентября. С веранды загородной губернаторской дачи, выходящей фасадом на восток, просматривалась дорога, ведущая в Оренбург и его северо-западные окраины. Дорогу в город справа и слева обрамляла аллея из молодых осин и ив. Губернатор порекомендовал Пушкину в сопровождающие на Бёрдинскую станицу местного знатока, краеведа и охотника инженер-капитана К.Д. Артюхова, ведущим проводником по Оренбургу предложил своего помощника В.И. Даля. Пушкин согласился. Даль был знаком ему с Петербурга.

Об отставном морском офицере, враче Владимире Ивановиче Дале он прослышал в Петербурге в 1832 году от поэта Василия Андреевича Жуковского. Ещё о нём ему рассказывали Одоевский, Плетнёв и Языков. Знакомство произошло в квартире Пушкиных, расположенной на углу Гороховой улицы и Большой Морской, В.И. Даль по своей инициативе пришёл знакомиться с поэтом А.С. Пушкиным. Про этот день Владимир Иванович вспоминал: «Я поднялся на третий этаж, слуга принял у меня шинель в прихожей, пошёл докладывать. Я, волнуясь, шёл по комнатам, пустым и сумрачным — вечерело». В руках у Даля находилась

причина для знакомства с Пушкиным. О ней Владимир Иванович записал следующее: «Я взял свою новую книгу и пошёл сам представиться поэту». Поводом для знакомства были «Русские сказки. Пяток первый» Казака Луганского. Пушкин читал книгу «с начала, с конца, где придётся». При этом он, «смеясь, приговаривал "Очень хорошо"». В день знакомства Владимир Даль получил от Александра Пушкина ответный подарок в виде рукописного текста его «Сказки о попе и о работнике его Балде».

После завтрака и отдыха гостя губернатора состоялась вторая беседа, в которой участвовали Перовский, Пушкин и Даль. Собеседники обсудили план работы исследователя-историографа на следующий день. На утро 19 сентября запланировали выезд на Бёрды. Станица располагалась в 3-4 вёрстах от губернаторской резиденции. После посещения слободы Александр Пушкин обговорил с Василием Перовским свою остановку на ночь в Оренбурге. Губернатор предложил ему комнату в особняке Тимашева. В.И. Даль жил на съёмной квартире в центре города неподалёку. Узнав про основные направления исследования Пушкина, Даль порекомендовал ему после Оренбурга посетить Уральск. Он только что вернулся из этого города после длительной служебной командировки. Рекомендация его оказалась очень ценной для повести, над её сюжетом автор продолжал работать по пути в Оренбург.

После встречи с Пушкиным Даль вернулся из резиденции губернатора в Оренбург. В доме Тимашева он распорядился подготовить комнату для Александра Сергеевича, затем зашёл в кадетский корпус, расположенный неподалёку от особняка. С директором учебного заведения К.Д. Артюховым он договорился о встрече с утра 19 сентября на летней даче у губернатора, передал ему поручение, связанное с выездом в Бёрдинскую слободу с А.С. Пушкиным. Константин Демьянович Артюхов имел личные знакомства и доверительные связи с бёрдинскими казаками-охотниками, проживающими на краю пойменного леса левого берега реки Сакмара. На Бёрды направился порученец. Он передал бёрдинскому сотнику Ивану Васильевичу Гребенщикову задание от губернатора об организации утром 19 сентября встречи столичного чиновника, приближённого к императору Николаю I.

События, связанные с приездом Пушкина на территорию Бёрдинской слободы и в Оренбург, в свои «Воспоминания» занёс военный врач и писатель Владимир Иванович Даль. С лета он служил у губернатора чиновником по особым поручениям, сразу же обязан был выполнять лично сложное поручение, связанное с выездом в Уральск. Накануне приезда Александра Пушкина Владимир Даль вернулся из длительной командировки из этой крепости. По заданию губернатора Перовского он пребы-

вал около месяца в Уральске и в окрестностях центра уральских казаков. Ему довелось проехать по «нижней уральской линии» с августа по сентябрь 1833 года. Причина выезда В.И. Даля в командировку своими корнями уходила в проблемы 60-летней давности. Весной и летом 1833 года в Уральске проходили очередные антиправительственные волнения. Выступления уральских казаков против местных чиновников начинались со столкновений со скотоводами Малого Жуза. Кочевники-киргизы желали проводить выпас своего скота в пойме реки Урал. Они же были яркими противниками строительства казачьих хуторов по берегам реки. Группы вооружённых киргизских разбойников нападали на казачьи поселения, грабили рыбаков, купцов и путешественников. Между этими группами грабителей проходило бесконечное, уходящее в прошлые века вооружённое противостояние за сферы влияния в степи и по берегам древней реки. Под их кровавые разборки с XVII века попадали мирные земледельцы и животноводы казачьих поселений. В связи с осложнением межплеменной розни на левом берегу течения Урала и обострением проблемы вокруг земель на правом берегу реки порученец

оренбургского губернатора В.И. Даль выполнял особое поручение В.А. Перовского.

О приезде столичного чиновника в Оренбург В.И. Даль в «Воспоминаниях» записал: «Пушкин прибыл неожиданный и нечаянный и остановился в загородном доме у военного губернатора Василия Алексеевича Перовского, на другой день перевёз я его оттуда». После отдыха и ночи, проведённой у гостеприимного хозяина загородной дачи, утром 19 сентября Даль и Пушкин выезжали в Бёрдинскую станицу. Дорога к месту бывшего расположения повстанческого войска и военной коллегии Емельяна Пугачёва проходила с юго-запада на северо-восток по правому междуреченскому взгорью поймы реки Сакмары. Коляска Пушкина с Далем следовала за тарантасом Артюхова по краю крутого обрыва, ниспадающего к старице реки, именованной «озеро Сазанье». Обзор казачьей станицы за широкой гладью озера открылся задолго до подъезда к ней. Поселение Бёрдинской слободы, переведённое с высокого берега Урала в 1734 году, где 30 апреля начиналось строительство третьего Оренбурга, располагалось на оконечности земляной насыпной гривы,* уходящей к пойменно-му лесу старицы реки Сакмары.

*Занимаясь изучением местности западной оконечности Великой Степи, связанной с походом на Волгу Амира Темура в 1391 году, автор описания Бёрд на берегах рек Сакмара, Карагала и Урал обнаружил идентичные рукотворные земляные сооружения, не имеющие отношения к башкирской культуре и к племенам жузов современного Казахстана. Как правило, они располагаются около горы в окружении непроходимого леса. Одно из них на берегу Сакмары имеет мегалитический объём выполненных земляных работ. Последующее строительство городов Русской страны представляет с них копию основного предназначения подобных земляных крепостей.

Длина полуострова не менее версты. Узкое плато возвышенной над поймой реки суши, лежащее с юго-востока на северо-запад в окаймлении недавно изменённого течения реки, полуостровом возвышалось над пойменными лугами реки Сакмары. Оно схоже с человеческой рукотворностью неведомой истории цивилизации.

Река в конце XVIII века пробила новое русло. Не подчиняясь искусно пробитому крутому изгибу, она легко вернулась в своё выпрямленное русло сквозь песок и гравий. С этого места, изменяя своим прошлым крутым изгибам перед Бёрдинской слободой, Сакмара напрямую устремила своё течение. Вёрстах в пяти в её русло впадает река Урал. В прежние времена две своенравные реки после горы Маячная несколько десятков вёрст протекали параллельными потоками. В настоящее время, после рукотворного выправления русла Урала в «канавку» около Оренбурга, река впадает в русло Сакмары западнее от Оренбурга. Начало возвышенной земляной гривы, на которой расположена Бёрдинская станица, от просторной степи отделял широкий и очень глубокий овраг. Он более схож со рвом, защищавшим поселение от набегов на него с юга из-за Урала. Река Сакмара до конца XVIII века огибала с востока, севера и запада эту необычную по форме земляную насыпь. Описание данной местности, предваряющей въезд на территорию Бёрдинской станицы, А.С.

Пушкин запомнил и поместил в повесть «Капитанская дочка»: *«Мы перебрались через овраг и вступили в слободу».*

С юго-востока на природно-рукотворном полуострове, где и поныне располагается современный посёлок Бёрды, при въезде на территорию слободы существовал глубокий ров, заполненный водой. По нему протекала протока с северного рукава реки Сакмары в западную часть её русла. Северная сторона рва сохранялась до 70-х годов XX века. Поэтапно его засыпали строители частных гаражей. Восточная часть рва была засыпана в середине XX века при строительстве частных домов современного посёлка Бёрды.

Поселение, получившее название от реки Бердянка, протекающей с восточной стороны казачьей станицы Благодольная, расположенной на левом берегу Урала, первоначально располагалось на правом берегу Урала. Основывая третий вариант крепости Оренбург, генерал-губернатор И.И. Неплюев перенёс Бёрдинскую слободу в 1743 году на берег реки Сакмары. Разместил основатель Оренбурга поселение за оврагом и рвом на земляной гриве, омываемой Сакмарой.* Слобода осуществляла охранную обязанность на севере от крепости Оренбург. Во времена приезда Пушкина на Бёрды этот ров частично сохранился в виде оврага рядом со станичным кладбищем. Небольшой овражек и сегодня расположен в направ-

лении берега пересохшей старицы Сакмары в северной части посёлка. Эта его часть сохранилась рядом с древним погостом, надгробия которого источают современные ветра и дожди. Часть оврага, отделяющего Бёрдинскую гриву с запада от степного плато, сохранилась до настоящих дней. Преодолеть его на телеге и верхом на коне невозможно. Берега его очень крутые. Овраг глубокий и непроходимый до сего дня.

Раннее осеннее утро 19 сентября было по-летнему тёплым и обещало быть солнечным. Со двора губернаторской дачи выехали бричка и коляска. По воспоминаниям Владимира Даля, в поездку на Бёрды он взял с собой ружьё. В бричке располагались «ещё человека два охотников». Директор оренбургского Неплюевского военного училища, инженер-капитан Константин Демьянович Артюхов и сопровождавший его охотник с двумя ружьями ехали впереди, указывая дорогу. В коляске располагались Александр Пушкин и Владимир Даль с ружьём. От загородной дачи Перовского до станицы ехали, не торопясь, около часа. Александр Сергеевич в пути рассказал Владимиру Ивановичу сказку о Георгии

Храбром и о волке. В ответ от своего попутчика он услышал незамысловатый сюжет о рыбаке и рыбке. Дорожные рассказы не прошли мимо слуха обоих попутчиков. Расспрашивая Даля о событиях, от которых их отделяли всего шесть десятилетий, Пушкин услышал от него необычную историю Ивана Лаврентьевича Тимашева и Афанасия Тимофеевича Соколова (Хлопуши).

На Бёрдинской слободе проживала Анна Ивановна, родственница Тимашева. Она вышла замуж за ссыльного 50-летнего Афанасия Соколова. В период осады Оренбурга пугачёвцами полковник И. Тимашев руководил самым опасным участком обороны на восточном вале крепости Орских ворот. Соколов (Хлопуша), к тому времени каторжанин, имел в подчинении полк. Он участвовал во многих сражениях. В штурмах Оренбурга за всё время его осады никогда не участвовал. В семье Анны и Афанасия Соколовых родился сын. Его назвали Иваном. Крёстным Ване Соколову, а отцу кумом стал Иван Тимашев. Кумовья на поле брани с декабря 1773 по март 1774 года никогда не встречались.

После путешествия, остановившись на обратном пути из

*Изображение русла реки Сакмары, протекающей с трёх сторон Бёрд, сохранилось на военном плане 1774 года. План предусматривал атаку на расположение основных сил Е.И. Пугачёва, расположенных в Бёрдинской слободе. Автор эпоса с мая 1972 до лета 1982 года проживал на Бёрдах по адресу: переулок Таймырский, дом 3. После участия в археологической экспедиции под руководством профессора К.И. Смирнова с участием местного краеведа С.А. Попова визуально и подробно обходил и изучал все уголки станицы и её окраин.

Уральска в Болдино, Александр Пушкин сочинил для своей жены в качестве подарка «Сказку о рыбаке и рыбке». Необычная и тайная от посторонних семейная история Тимашевых и Соколовых во многом изменила и добавила в сюжет повести «Капитанская дочка» крутые повороты судьбы её героев в Белогорской крепости на правом берегу Урала. Владимир Даль записал устный пересказ Александра Пушкина в «Сказку о Гергии Храбром и о волке».

После рассказа о необычной судьбе семьи чингизида Ивана Тимашева и семьи русского монастырского крестьянина Афанасия Соколова Владимир Даль занёс в свои воспоминания слова Александра Пушкина: «Я на вашем месте сейчас бы написал роман, сейчас; вы не поверите, как мне хочется написать роман, но нет, не могу: у меня их начато три — начну прекрасно, а там недостаёт терпения, не слажу». Рассказчик ему ответил, что поделился семейной тайной Тимашевых и Соколовых, о которой он слышан на условии полного доверия. По этой причине

что-либо переносить на бумагу он не имеет права. Ещё он добавил, что последний свидетель семейной истории Иван Соколов вёл записи, но его родственники их сожгли.

Владимир Даль рекомендовал побеседовать на тему родственных отношений Тимашевых и Соколовых с поэтессой Екатериной Александровной Тимашевой.* С ней Александр Пушкин был знаком с осени 1826 года. Оценивая доверие со стороны Владимира Ивановича, со своей стороны Александр Сергеевич посвятил его в свои творческие планы. Вспоминая о доверии, Владимир Даль отметил: «Он носился во сне и наяву целые годы с каким-нибудь созданием, и когда оно дозревало в нём, являясь перед духом его уже созданным вполне, то изливалось пламенным потоком в слова и речь: металл мгновенно стынет в воздухе, и создание готово. Пушкин потом воспламенился в полном смысле слова, коснувшись Петра Великого, и говорил, что непременно, кроме деписания о нём, создаст и художественное в память его произведение».

*Екатерина Александровна Тимашева (Загряжская) родилась в Смоленской губернии 25 июля (5 августа) 1798 г. Жена ротмистра Сумского гусарского полка Егора Николаевича Тимашева, наказного атамана Оренбургского казачьего войска. Е.Н. Тимашев — старший сын Н.И. Тимашева, внук И.Л. Тимашева. Е.А. Тимашева — мать Александра Егоровича Тимашева, будущего министра внутренних дел Российской империи, русская поэтесса и красавица. Александр Пушкин с Екатериной Тимашевой познакомился в 1826 году. В Москве она проживала с сыновьями Александром и Николаем с 1825 года. О том, была ли Е.А. Тимашева посвящена в тайну двух фамилий, сведений нет. Нет и биографии самой поэтессы. Она сохранена в тайне. Умерла Е.А. Тимашева в 1881 году. По сведениям оренбургского краеведа и пушкиноведа С.Е. Сорокиной и поэта В.Н. Кузнецова, в парке загородного дома Тимашевых в селе Ташла, куда перезахоронен по личному завещанию прах А.Е. Тимашева, в конце XX века около 20 лет проводились Пушкинские праздники.

Александр Сергеевич поделился со своим проводником творческим планом исторического романа. Над его сюжетом он работал с лета 1827 года, до задумки написания «Истории Петра». Роман остался незаконченным по причине гибели его автора. О существовании его впервые стало известно в апреле 1837 года. Дочь историка Н.М. Карамзина, фрейлина императорского двора Софья Николаевна Карамзина своему сыну сообщила в тот год: «На днях Жуковский читал нам роман Пушкина, восхитительный: «Ибрагим, царский арап». Этот негр так обворожителен, что ничуть не удивляешься страсти, внушённой им к себе даже даме двора регента; многие черты характера и даже его наружности скалькированы с самого Пушкина».

Беседу Пушкин и Даль закончили, преодолевая на подъезде к слободе глубокий овраг. По внешним очертаниям он более был схож с крепостным рвом. Он начинался метрах в 100 справа и продолжался в направлении широкой глади озера старицы реки Сакмары. Перебравшись через овраг, группа выехала на просторное ровное поле станичных огородов. После огородов, справа от дороги, на фоне верхушек деревьев пойменного леса возвышались каменные кресты и плиты местного погоста.

Колёса брички, простучав по доскам деревянного мостика, перекинутого через очередной

овраг перед слободой, выехали на улицу. Проехав под уклон метров триста, группа попутчиков выехала на просторную площадь к церкви во имя Казанской Божьей матери. Повозки остановились на площади около церковного придела. Гостей встретил сотник И.В. Гребенщиков. После посещения церкви Константин Артюхов и Иван Гребенщиков проводили Александра Пушкина и Владимира Даля к дому казака Константина Ситникова. С 4 ноября 1773 года по 23 марта 1774 года в самой большой комнате его дома находились «золотые палаты» Пугачёва. По рассказам, сохранившимся от старожилов слободы той поры, стены дома были обиты фольгой (шумихой), схожей по цвету с золотом. В ней располагалась и заседала Военная коллегия самозванного царя Петра III. Свидетели помнили, что, заняв дом, повстанцы подняли над ним «императорский» штандарт. На жёлтом его полотне был изображён чёрный орёл.

После осмотра дома и комнаты, где располагалась в 1774 году Военная коллегия повстанцев, все вышли из дома. За хозяйственными постройками, выложенными из местного известкового песчаника, располагались задворки. С них начинался огород. Не спускаясь к берегу, все внимательно рассматривали восточный горизонт за водной гладью старицы. Иван Гребенщиков обратил внимание гостя на вершины двух гор. По существующему среди

жителей Бёрд поверью, где-то в одной из них «Пугач» спрятал свой клад при отступлении со слободы в марте 1774 года. Ещё он добавил, что в Оренбурге об этом стало известно и спрятанные богатства неустанно ищут кладоискатели уже много лет. С территории огорода открывалась обширная панорама старицы и её пойменного леса. В 70-е годы XVIII века, в период народных волнений, руководимых Е.И. Пугачёвым, основное русло Сакмары выглядело крутой подковой. Течение её начиналось восточнее слободы за погостом, огибало Бёрды с севера, далее протекало с западной её части.*

Со двора дома сотник Иван Гребенщиков сопровождал Александра Пушкина и Владимира Даля к крыльцу дома местной казачки Бунтовой. Александру Пушкину пожилую женщину представили свидетельницей событий 1773-1774 годов. Дочь бывшего бёрдинского атамана лично видела вождя восставших. По воспоминаниям Александра Пушкина, с «75-летней казачкой» Бунтовой он говорил «целое утро». Ссылаясь на рассказы своего отца, Арина Бунтова пересказала Александру Пушкину своё воспоминание о штурме и взятии Пугачёвым крепости Нижней Озёрной. В 1773 году ей исполнилось 13 лет. События

сентября того года она хорошо запомнила. Со слов Бунтовой Пушкин записал картину казни коменданта и командира гарнизона крепости.

Рассказала Арина Афанасьевна о малочисленности гарнизона крепости. Помнила церемонию присяги Пугачёву с целованием у него руки у виселицы, на которой в это время казаки устроили казнь защитников крепости. Отец Бунтовой, оренбургский казак Афанасий Михайлович Бородулин занял сторону восставших и отправился с войском Пугачёва в сторону Оренбурга. С октября 1773 года он руководил восставшими казаками на территории Бёрдинской слободы. Он исполнял волю уральских казаков и распорядился расстрелом девицы Харловой и её малолетнего брата в овраге около Бёрдинского кладбища. Свидетели того расстрела видели, что раненые брат и сестра приползли друг к другу и обнялись. Скончались они в смертельном объятии.

Записывая слова Арины Бунтовой, Александр Пушкин их содержание не подверг сомнению. Казачка проявила хорошую память. Она также ссылалась на воспоминания своей свекрови Прасковьи Сергеевны Бунтовой, жительницы Бёрдинской слободы. Арина Афанасьевна

* Данное описание русла реки Сакмары взято с воинской карты, подготовленной для проведения зимней атаки регулярных войск, наступавших из города Оренбурга на Бёрдинскую слободу. Карта составлялась в январе 1774 года.

Бунтова по своей инициативе спела Пушкину три песни о Емельяне Пугачёве. Родом она была из Нижней Озёрной крепости, расположенной на правом берегу Урала. За ней, в нескольких верстах западнее, располагалась крепость Рассыпная. Штурм этой крепости начинался с вылазки разведывательного отряда с правого берега реки Заживная. Отсюда начинался боевой поход самозванца Петра III и его повстанческого войска на Оренбург. С Оренбурга самозванный царь планировал идти на Москву.

Подробности посещения Александром Пушкиным Бёрдинской станицы записаны местным краеведом Дмитрием Николаевичем Соколовым в 1915 году. Он ссылается на предание в своей семье о том, «что Пушкин во время своего приезда в Оренбург беседовал о пугачёвском бунте с моим дедом, И.А. Соколовым». Записки деда после его смерти были уничтожены родственниками. Причину уничтожения записок сохраняет очередная семейная тайна Соколовых.

Родственники Афанасия Тимофеевича Соколова, его жены Анны Ивановны Соколовой и их сына Ивана Афанасьевича Соколова тайну рода своей семье хранили до второй половины XX века. Она стала раскрываться, когда обнаружилось, что пугачёвский полковник Хлопуша (каторжанин Афанасий Соколов)

был кумом и родственником полковника Ивана Лаврентьевича Тимашева. Тайна жизни Анны Ивановны сохраняется до настоящих дней. Достоверно по существующим документам известно следующее. В деревню Гнездовку Анну Ивановну, с не известной никому фамилией, но с дарственной на участок местной земли, заселил И.Л. Тимашев с 1774 на 1775 год. Гнездовка впоследствии стала селом. На взгорье здесь возвышался грандиозный храм, равный храму в селе Никольском. В это село приезжал В.И. Даль в семью Соколовых сватать себе невесту. Отметины прошлого, более всего от разрушенного до основания храма, местность Гнездовки хранит до сего дня. Жители села Каменка и потомки из рода фамилий села Гнездовка до настоящих дней ухаживают за погостом. Здесь на камнях и крестах обозначены имена погребённых. На одном из православных крестов сохранилась надпись: «Господина Князя Кутуева крестьянин Иван. 1726 года — 28 июня 1823 года. Господи, Сыне Божий, помилуй мя. Аминь!» С каменных стел более раннего периода дожди и ветер надписи смыли и выветрили. Здесь же обозначена и соседка крестьянина Ивана по Гнездовке: «Леонтьева Домна. 1723 года — 2 февраля 1788 года. Господи, даруй Царствие Небесное». До этого поселения от Бёрд несколько десятков километров. В 1833 году оно оставалось скрытым от

современников той эпохи. Кроме жителей Каменки и профессиональных местных краеведов, оно никому не известно и в настоящее время.

После общения с жителями Бёрдинской слободы Артюхов и его напарник по охоте отправились с ружьями за дичью на правый берег старицы Сакмары. Владимир Даль и Александр Пушкин вернулись в загородную резиденцию губернатора, забрали путевой багаж со слугой и направились по аллее в Оренбург. Проехав пригородную слободку при въезде в крепость, справа от которой располагалось городское кладбище, коляска проследовала через Сакмарские ворота на территорию крепости. Владимир Даль доставил Александра Пушкина с его дорожным багажом в центр города на Губернскую улицу.

Особняк полковника Тимашева располагался рядом с губернской канцелярией. Парадный фасад дома выходил на Губернскую улицу*. Напротив дома возвышался храм церкви Вознесения Христова. Дворовая часть особняка с хозяйственными постройками и конюшней выводила постояльцев через задние ворота на Почтовую улицу. К моменту приезда Александра Пушкина одну из комнат этого просторного дома, схожего с

семейной крепостью, выделили персонально для него. В комнате тепло протопили печь. Причина переезда путешественника с загородной дачи на Губернскую улицу заключалась в личной занятости Василия Перовского. Александр Пушкин не хотел стеснять его своим присутствием и отвлекать от служебных дел, а более всего от того, что в этот период Василий Алексеевич устраивал личную жизнь со своей гражданской женой.

После поездки в Бёрдинскую слободу Пушкин пожелал вторую часть дня посвятить осмотру города. На вечер он получил приглашение. Константин Артюхов позвал его к себе в училище, где он жил с семьёй. Путешественнику предложено было искупаться в бане и отведать ужина из охотничьих трофеев.

Оставив вещи в комнате тимашевского дома, Владимир Даль и Александр Пушкин вышли через парадный вход на Губернскую улицу. Пройдя сотню метров, они свернули налево и пошли по улице имени основателя Оренбурга И.И. Неплюева в направлении крепостного вала Орских ворот. Взойдя на земляной вал, на котором оборону крепости с 1773 на 1774 год возглавлял И.Л. Тимашев, Пушкин и Даль осматривали местность с восточной стороны города. С вершины

*На втором этаже особняка видна памятная доска о пребывании А.С. Пушкина в доме Тимашевых с 19 на 20 сентября 1833 года. В 90-е годы XX века вначале была снята доска, затем был устроен пожар. Особняк сгорел. На его месте возведена неудачная каменная копия.

крепостного вала на юго-востоке хорошо просматривалась церковь Святого Георгия. Она располагалась на обширной площади в восточной части казачьего форштадта. С колокольни церкви пушкари самозваного царя Петра III обстреливали город. Участвовал в стрельбе из орудия и сам Емельян Пугачёв. Стрелял он ядрами, начинёнными монетами, которые ему привезли на Бёрды в бочках.

Вернувшись обратно по Неплюевской на Губернскую улицу, повернув налево, Даль и Пушкин зашли в здание местного архива. Затем они направились к берегу Урала. С высокого и крутого обрыва, ниспадающего к берегу Урала, Александр Пушкин рассматривал за пределами границы «Европы» и Зауральной рощи степное пространство Азии. Напротив обрывистого берега течение реки круто поворачивало от «Европы», уходило в сторону леса и терялось в его азиатских зарослях. Под прикрытием пойменной рощи с территории Азии повстанцы готовили и проводили безуспешные атаки на позиции защитников Оренбурга, ещё не знавших о том, что они защищают границу будущей «Европы»... Высокий, осыпающийся под ногами крутояр из пластов непрочного песчаника вместе с защитниками крепости сдерживал натиск атакующих повстанцев. К тому же здесь наступающие были хорошей мишенью для пушечного

и ружейного обстрела. Сбивать с ног и ранить в этом месте можно и обычным булыжником.

Даль проводил Пушкина по вершине обрыва направо до Введенской церкви. Он возведена на том самом месте, с которого губернатор Иван Неплюев, личный друг Ивана Тимашева, начинал строительство города 30 апреля 1743 года. Повернув направо, вышли на Введенскую улицу, уходящую под склон холма к центру города. Пройдя мимо Неплюевского училища кадетов, миновав Троицкую церковь, зашли в уездное училище. Здесь состоялась встреча учеников с поэтом Александром Пушкиным. Один из них, по фамилии Чернов, запомнил эту встречу. Пушкин его о чём-то спрашивал, но мальчик восьми лет забыл содержание вопроса.

После походов по городу и его окраинам, под вечер 19 сентября, Владимир Иванович пригласил Александра Сергеевича к себе на съёмную квартиру. Дом находился недалеко от особняка полковника Тимашева. Располагался он на противоположной стороне Почтовой улицы. На эту улицу выходили задворки дома Тимашева. Выйдя с хозяйственного двора, Владимир Иванович и Александр Сергеевич повернули направо. Метров через 150, не переходя перекрёсток с улицей Орской, на левой стороне Почтовой они зашли в дом, в котором была съёмная квартира Даля.

Перед приходом мужа и гостя Юлия Даль оповестила своих близких знакомых о том, что вечером её муж пригласит поэта Пушкина к себе в гости. Две подруги Юлии, проявляя любопытство, пришли на Почтовую улицу. Одна из свидетельниц оживлённого разговора между Александром Сергеевичем и Владимиром Ивановичем, она же поклонница поэтического творчества Пушкина, сохранила воспоминание о событии, происшедшем вечером 19 сентября в квартире одноэтажного дома своей подруги Юлии. С её слов, любопытные барышни подсматривали в окно за разговором хозяина квартиры и его гостя с улицы. Об этом случае девица Воронина записала: «Окно <...> кабинета было высоко, но у этого окна росло дерево; <...> барышни <...> влезли на это дерево и из ветвей смотрели на Пушкина, видели, как он хохотал, но разговора не было слышно, так как рамы были уже двойными».

Содержание беседы Пушкина с Далем осталось для всех недоступным. А.С. Пушкин не оставил своих записей на сей счёт. На беду для потомков В.И. Даль (или кто-то из членов его семьи) в 1848 году сжёг все бумаги с воспоминаниями. До этого, в 1840 году, Владимир Даль женился на Е.Л. Соколовой. Одной из причин уничтожения бумаг архива могли стать его подробные записи, раскрывающие семейную тайну Тимашевых и

Соколовых. Секретность их родства имела в первоисточниках, но для широкого круга читателей до начала текущего века она не раскрывалась. Обнаруживается она по именам, местности и взаимосвязи событий, зафиксированных в архивных документах и тематике исторических исследований краеведов Оренбургской губернии.

Из своей квартиры Владимир Даль препроводил Александра Пушкина к назначенному времени в здание Неплюевского кадетского училища. Почтовая (Пролетарская) улица, где жил В.И. Даль с женой с 1833 года, располагается западнее от него, неподалёку от Штабной улицы. На левой стороне Штабной (Ленинская) располагался кадетский корпус (медицинский колледж). Во дворе на территории училища находилась просторная баня с её добродушным и гостеприимным хозяином. По словам Владимира Даля, титулярного советника Пушкина он «свёл в прекрасную баню к инженер-капитану Артюхову, добрейшему, умному, весёлому и чрезвычайно забавному собеседнику». Столичный гость, предупреждённый о шутовском нраве директора Неплюевского кадетского корпуса, помня его охотничьи анекдоты, дал указание дежурному кадету сделать официальное сообщение о своём прибытии. Мальчик, одетый в форменную черкеску из верблюжьего сукна, зашёл в дом. Все члены семьи Артюхова,

сидевшие за чайным столом, услышали чеканный доклад дисциплинированного кадета: «Генерал Пушкин изволил приехать!» Свидетелем встречи и оповестителем о приезде «генерала Пушкина» в этот вечер выступал воспитанник училища кадет Н.П. Иванов.

Все дальнейшие события в гостеприимном доме Артюхова и в бане продолжались в том же шутовском ключе, затеянном знаменитым гостем. Хозяин, *«круглолицый, голубоглазый, в золотых кудрях»*, в предбаннике гостя упрасивал *«откушать пива или мёда»*. Александр Пушкин, раздеваясь, продекларировал стихотворный экспромт про оренбургские дороги. Стихи тут же были записаны кадетом Н.П. Ивановым. Автор в тексте своего экспромта расставил знаки препинания. На следующий день стихи, в которых были слова *«дорога ваша – сад для глаз, // Повсюду лес, накопаны канавы, // Работы было много, много славы, // Да жаль – проезду нет подчас»*, Константин Артюхов поместил в своём кабинете под стекло.

Александр Пушкин был впечатлён въездом в Оренбург по тенистой аллее, *«от деревьев, на часах стоявших»*. На вопрос Константина Артюхова «В наших местах теперь дорога ведь страшная, а?» Александр Пушкин, припоминая тряску на просёлочных кочках, ему ответил в том же ключе: *«Да, я бросил возок и купил сани»*.

Сохраняя доброе впечатление от весёлых рассказов директора кадетского корпуса о его охоте на вальдшнепов с псом по кличке Фингал, А.С. Пушкин прислал в 1834 году из Петербурга К.Д. Артюхову экземпляр издания «История Пугачёвского бунта». На подарочной книге рукой автора была исполнена надпись: *«Тому офицеру, который сравнивает вальдшнепа с Валленштейном»*. Все современники, знававшие инженер-капитана Артюхова заядлым охотником, рассказывали, что после того, как он подстреливал зайца («задавал впрыску вдогонку») или вальдшнепа («по сарафану»), подстреленной им дичи он всегда отдавал честь, «беря под козырёк».

По пути на Бёрдинскую станцию Александр Пушкин в череду слов признания о смене направления своего творчества сказал В.И. Далю: *«О, вы увидите: я ещё много сделаю! Ведь даром что товарищи мои все поседели да оплешивели, а я только что перебесился; вы не знали меня в молодости, каков я был; я не так жил, как жить бы должно; бурный небосклон позади меня, как оглянусь я»*. Владимир Иванович запомнил сказанное и подробно записал слова Александра Сергеевича в свои «Воспоминания».

После посещения бани у капитана Артюхова, 20 сентября А.С. Пушкин в сопровождении В.И. Даля и небольшого отряда казаков выехал из Оренбурга в

направлении Уральска. Выезд Даля из Оренбурга по известным причинам документально не оформлялся. Это была его частная поездка с негласного разрешения Василия Перовского. Владимир Даль знал историю крепостей Оренбургской пограничной линии. После командировки ему была знакома дорога в Уральск. Ему были известны станичные крепости Уральской линии и местность, разграничившая земли оренбургских и яицких казачьих поселений. Даль был знаком с историей начала вооружённого восстания казаков и осады Уральска в сентябре 1773 года. Он знал места основных сражений восставших казаков в Татищеве, Нижней Озёрной, Рассыпной. В пути спутники решили сделать остановки и осмотреть эти крепости. У помощника губернатора Перовского были самые свежие новости по тревожным летним событиям 1833 года в уральской местности. Лучшего собеседника историографу Пушкину и придумать было невозможно.

В первой половине дня 20 сентября коляска Александра Пушкина проследовала от заднего двора дома Тимашевых по Почтовой улице Оренбурга и выехала за пределы города через знакомые Сакмарские ворота. Следом за отпускником, из Петербурга в Оренбург, запаздывая по срокам получения и исполнения, следовали почтой секретные бумаги. Столичное

предписание о полицейском надзоре за титулярным советником из канцелярии Нижнего Новгорода было переправлено в канцелярию казанского военного губернатора Бутурлина. Отсюда оно проследовало 9 октября в адрес оренбургского военного губернатора В.А. Перовского. Василий Алексеевич, получив надзорное указание 23 октября, на следующий день написал ответ. В его бумаге, датированной 24 октября, значилось: «На отношение вашего превосходительства, от 9 сего октября, № 337, об учреждении секретного полицейского надзора за поведением и образом жизни титулярного советника Пушкина во время пребывания его в Оренбургской губернии имею честь ответить вам, милостивый государь, что сие отношение ваше получено мною через месяц по отбытии отсюда г. Пушкина в свою деревню Нижегородской губернии, а потому хотя во время кратковременного пребывания его в Оренбурге и не было за ним полицейского надзора, но как он останавливался в моём доме, то я тем лучше могу удостоверить, что поездка его в Оренбургский край не имела другого предмета, кроме нужных ему исторических изысканий».

Переправившись через Сакмару, Александр Пушкин и Владимир Даль в сопровождении группы вооружённых казаков направились по знакомой им просёлочной дороге пойменного

леса. Верховые казаки и пролётка продвигались междуречьем Сакмары и Каргалки в направлении Чернореченской станицы. В крепость не заезжали. Проехав по северной окраине казачьего поселения, далее следовали по правому берегу Урала в западном направлении. Первую остановку сделали в Татищевой крепости. Затем путники осматривали природные окрестности Нижней Озёрной. Третью остановку устроили в Рассыпной станице. Переправившись через пограничную речку Заживную, разделявшую земли оренбургских и уральских казаков, Пушкин и Даль заехали в Мухрановскую станицу. Их путь на протяжении всего светового дня от станицы Чернореченской до Рассыпной сопровождали многочисленные крутые спуски с холмов и столь же крутые подъёмы. Между ними несли свои прозрачные воды ручьи и быстротечные речки. Пыльная и тряская дорога проходила по открытой местности, минуя заросли дубовых, берёзовых и осиновых роц. На юг за Уралом открывался обзор бесконечной степи, уходящей в направлении реки Илек.

Под кроны дубового леса въезжали только один раз, с вершины высокого и крутого холма, на котором между Нижней Озёрной крепостью и Рассыпной

располагался казачий пикет. Вокруг сторожевого поста образовался небольшой крестьянский хутор. Местные именовали поселение Бикет.* Это было казачье охранное отделение от крепости Рассыпная. Отсюда, с высокого бугра, расположенного над озёрно-лесным краем поймы Урала, казаки отслеживали продвижение кочевников с юга на север. Вокруг Бикета отсутствовали поселения на многие километры. Лесное урочище во все стороны от поселения казаков и крестьян жило своей природной жизнью. Здесь обитали медведи, волки, лоси, олени, косули, кабаны. Лесное урочище уходило на север в сторону башкирской тайги. От реки Белой через Самару к Уралу дикие звери имели извечный маршрут своей естественной миграции до берегов рек Илек и Хобда и обратно.

С прекращением служебной миссии казаков к середине XX века дикий животный мир и мир пресноводных рыб потерял своих охранников. После этого оборвалась извечная пищевая цепочка рыбного хозяйства Урала в Москве, Петербурге, а также на пространстве от Пекина до Лиссабона. До реки Заживной, протекающей между станицами Рассыпной и Мухраново, путь пролегал по пограничной линии и землям Оренбургского казачества.

*Бикет в XX веке стал хутором и просуществовал до решения Н.С. Хрущёва об укрупнении колхозов и совхозов. Это решение — составная часть разрушения экономики России. Урочище Бикета сохранило свою первозданную красоту и безлюдность до настоящего времени.

На правом берегу реки Заживной начиналась земля Уральско-го казачества. Чистая и прозрачная вода этой реки, в которой водилось множество особо ценной породы рыб, была пограничной чертой вольного яицкого и государственного Оренбургского казачества. Берега речки изобиловали яблоневыми садами. Леса — ягодами и птицами. Озёра — рыбами. Пойма рек и озёр — покосными лугами. Всю природную местность от Рассыпной до Мухраново здесь называли Крымом, начиналась она от Нижней Озёрной станицы. На подъезде к ней путешественники и верховые казаки сделали остановку. Взору открывался необычный и привлекательный пейзаж берега реки Урал. Александр Сергеевич привычно достал карандаш, листок бумаги и сделал зарисовку утёса, нависающего над правым берегом Урала с видом домов станицы. Впечатление от осмотра её улиц, домов и окрестностей подвигло воображение автора к главному. Он поместил героев романа в Нижнюю Озёрную, названную в повести Белогорской крепостью.*

Продвижение по склонам с бесконечными спусками и подъёмами оказалось утомительным. Продолжалось оно до вечера. После посещения Рассыпной коляска с Пушкиным, его слугой и Далем перед закатом солнца 20 сентября 1833 года подъехала к

пограничному руслу Заживной. Речку преодолели по неглубокому перекату, поросшему густым тальником. На правом её берегу начиналась ровная дорога по пойме реки и рядом с ней. На момент переправы на правый берег Заживной Пушкин не имел сведений о том, что он ступил на место исторических событий. Здесь, посередине обширного яблоневого Булгаринового сада, вечером 23 сентября 1773 года донской казак Е.И. Пугачёв проводил свой первый войсковой круг. На этом месте был выбран атаман повстанческого войска, его полковники и есаулы. По составленному тут же тексту была принесена присяга великому государю императору Петру III Фёдоровичу (самозванцу Пугачёву). На следующий день, перейдя на левый берег реки Заживной, организованное казачье войско самозванного царя направилось к крепости Рассыпной. Боевое крещение повстанцев закончилось победой. Крепость с небольшим гарнизоном регулярного отряда пала...

Посетив станицу Мухраново, где совместно проживали русские и татары, проехав татарскую деревню Яман, путешественники выехали на правый берег просторного озера. В этом месте течение реки Заживной сливалось с древним руслом Урала и становилось его старицей. Доехав до очередного казачьего

* В начале 1960-х годов берег Урала рядом с Нижней Озёрной — любимое место летнего отдыха первого космонавта Земли Ю.А. Гагарина.

поста с крестьянским хутором, путники остановились на ночёвку. От Оренбурга до Уральска двухдневный путь составлял 281 версту. Преодолели путники немало более половины пути, заночевали в избе казака в расположении форпоста. Неподальёку от дома сквозь заросли тальника и могучие стволы вековых осин просматривалось пространство обширного озера. Оно называлось Форпостное. Здесь, на пути из Яицкого городка в Илекскую станицу, ровно шесть десятилетий назад, с 19 на 20 сентября 1773 года, стояли на привале казаки-повстанцы во главе с Е.И. Пугачёвым.

Утром 21 сентября 1833 года, простившись с гостеприимным хозяином дома, путешественники продолжили путь в направлении Уральска. В город приехали вечером этого же дня. На следующий день Александр Пушкин проводил в городе беседы со свидетелями событий, связанных с Емельяном Пугачёвым и его соратниками. Его интересовало начало вооружённого выступления казаков и эпизоды сражений защитников города с восставшими. Встречи в Уральске проходили с проявлением гостеприимства и хлебосольства со стороны казаков. Всё, что желал услышать и узнать историограф Пушкин, состоялось. Благоприятная погода, сопровождавшая Александра Пушкина после петербургской бури 17 августа на всём пути, закончилась ровно в день его выезда из Уральска. Александр

Сергеевич в письме Наталье Николаевне сообщил: *«При выезде моём (23 сент.) вечером пошёл дождь, первый по моём выезде. Надобно тебе знать, что нынешний год была всеобщая засуха, и что бог угодил на одного меня, уготовя мне везде прекраснейшую дорогу. На возвратный же путь послал он мне этот дождь и через полчаса сделал дорогу непроходимой. Того мало: выпал снег, и я обновил зимний путь, проехав вёрст 50 на санях. Проезжая мимо Языкова, я к нему заехал, застал всех трёх братьев, отобедал с ними очень весело, ночевал и отправился сюда».*

Следуя на обратном пути по территории Симбирской губернии, Пушкин в третий раз заехал в поместье Языковых. На этот раз он застал дома братьев, *«одетых по-домашнему, в халаты».* Пристыдив их за *«азиатские привычки»*, гость прочитал им сказку «Гусар». По сведению от А.М. Языкова, А.С. Пушкин оповестил их о возвращении «в свою нижегородскую деревню, где пробудет месяца два, занимаясь священнодействием перед алтарём Камен». Гость доверительно рассказал братьям о цели своего путешествия в Оренбург, а затем и в Уральск. После его отъезда Н.М. Языков в письме к М.П. Погодину сообщил: «У нас был Пушкин с Яика — собирал-де сказания о Пугачёве. Много-де собирал, по его словам, разумеется. Заметно, что он вторгается в область Истории (для стихов

ещё бы туда и сюда) — собираются собирать плоды с поля, на коем он зерна не посеял — писать историю Петра, Екатерины I и далее вплоть до Павла первого (между нами)». Это сообщение от Н.М. Языкова — единственное письменное подтверждение планов А.С. Пушкина. Он наметил проведение огромной работы по истории Российской империи всего XVIII века с выходом на век XIX-й. По существу этого плана и цели работы по истории Отечества он никогда и ни с кем до беседы с братьями Языковыми предметно не откровенничал. Иногда Александр Сергеевич высказывал размышления о желании изложить свой взгляд на историю Российской империи XVIII века. Думал и о работе по периоду царствования Николая I. Традиционная фраза доверительного разговора «между нами» не состоялась. Информация просочилась и проследовала вверх по вертикали властной инстанции. Дошла она и до стола служебного кабинета императора Николая I.

В середине октября 1833 года царь и его свита вернулись из заграничной поездки. Наиболее доверенным членам правительства замысел историографа Пушкина император Николай I довел до сведения. Министры Уваров и Нессельроде услышали про главное. Их личный противник не станет себя ограничивать в написании «Истории Петра». На страницы его исторических произведений попадут не только

их имена, но и деяния. Когда пишется история прошлых веков, это ещё куда ни шло. Но знать, что о тебе и твоих делах узнают тысячи и тысячи читателей, они совсем не желали. Для них эта весть была новой и крайне неприятной. Небольшой круг высших собеседников царя, да и он сам, понимали, что Александр Пушкин не станет сочинять украшения при изложении подлинной истории дел своих современников. Он в своём труде отразит реальность событийных фактов, излагая их на основе календарных дат, архивных материалов и свидетельских показаний. Ему, обладающему феноменальной памятью и обширными связями среди аристократов Российской империи, свойственно представлять читателям только выверенные аналитические выводы. В их достоверности сомнений ни у кого не будет.

Понял всё это и Николай I. После изучения истории царствования Петра I пытливый и энергичный историограф Александр Пушкин не остановится. Он продолжит своё исследование по времени царствования Александра I. Не минует он отразить и то, чему был свидетелем. Он изложит последовательность подготовки и причины проведения вооружённого восстания новых дворян против царской династии. Пушкин изобразит стихами или прозой суд, поимённый список осуждённых, а также проведение казни пяти организаторов антигосударственного выступления

новых дворян. Самое сложное и неприятное — то, что автор в своей историографии не согласится менять даты, события, подставлять в них второстепенные имена, скрывая за ними главных персон. Пушкину присуще отражать только реальные события, реальных лиц, их заслуги и недостатки. Официальный цензор в этом деле ему не помощник. Да и есть ли таковой, кто сможет ему противостоять в изложении реальных событий календаря?

В кабинете императора Николая I в один из дней зимы 1833 года произошло молчаливое и полное согласие всех присутствующих. В российском обществе историограф Александр Пушкин при царском дворе нежелателен. Он будет писать ту историю, которую ему будут подсказывать архивные документы и её свидетели. Если его негласно и поэтапно подвести к унижению, учитывая особенность индивидуальной черты его характера, он вынужденно прекратит свою деятельность в должности историографа. Первый шаг к решению проблемы его отстранения от влияния на мнение общественности был скоро найден. С него началась череда унижений русского гения. После первого унижения состоялось второе, затем последовало третье, четвёртое... В начале 1834 года цезарь-цензор перечеркнул название пушкинского труда «История Пугачёва» и озаглавил «История Пугачёвского бунта». В целях унижения талантливого потомка

древнего боярского рода Пушкиных наградил зрелого мужа, отца дочки и сына, юношеским титулом «камер-юнкер». С барского плеча предоставил униженному и оскорблённому автору кредит на издание «Истории Пугачёвского бунта», но с обязательным его возвращением в казну. До начала этих событий оставалось менее полугода.

Возвращаясь из длительного путешествия, Александр Пушкин остановился в помещином доме отца в Болдино. Шёл второй месяц его отпуска со службы. На следующий день 2 октября 1833 года он написал Наталье Николаевне коротко, но ёмко: *«Прости — оставляю тебя для Пугачёва»*. Приехав в имение, он сразу же приступил к работе над написанием итогового текста исторического поиска и открытий по местам своего исследования в Казани, Оренбурге и Уральске. Историограф кропотливо и последовательно сводил воедино архивные первоисточники с информацией, полученной им от свидетелей событий народного восстания 1773-1775 годов. В своей монографии автор использовал статистико-экономический и этнографический труд П.И. Рычкова, работы «Историческое и статистическое обозрение уральских казаков», «Осада Оренбурга» и «Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей» А.И. Левшина и других авторов. Цезарь-цензор, его официальные и тайные осведомители пока ещё

не знают главной цели поездки Пушкина по Среднему Поволжью и Южному Уралу. Они ждут от него историческое произведение, исполненное в стиле Вальтера Скотта, в котором выдуманные и реальные герои захватывающего сюжета будут «нанизаны на вешалку истории». Подготовка к изданию исторического исследования, создаваемого автором по методике, доселе не существовавшей в мировой историографии,* станет для Николая I и его советников полной неожиданностью. По существу труда своего мужа осведомлена была только его жена. Отдельную информацию получили от Пушкина и брата Языковы 29 сентября 1833 года. Из письма Николая Языкова она была прочитана на почте и доложена императору. Свою осведомлённость Наталья Николаевна держала в секрете. Об этом её просил муж.

Александр Сергеевич нуждается в помощнике, перебирает кандидатов, живущих в столице, находит его только в Наталье Николаевне. Ей пишет задание: *«Мой ангел, одно слово: съезди к Плетнёву и попроси его, чтоб он к моему приезду велел переписать из Собрания законов (год 1774 и 1775*

и 1773) все указы, относящиеся к Пугачёву. Не забудь. ... Не жди меня в нынешний месяц, жди меня в конце ноября». Работая в Болдино над изложением своего первого исторического исследования, он одновременно продолжил работу над сочинением петербургской поэтической повести «Медный всадник». В предисловие к её тексту Александр Сергеевич резюмировал поэму словами историка: *«Присшествие, описанное в сей повести, основано на истине. Подробности наводнения заимствованы из тогдашних журналов. Любопытные могут справиться с известием, составленным В.Н. Берхом»*. Его труду над поэмой помогает воображение от стихии, увиденной и прочувствованной им на Неве 17 августа при выезде из Петербурга. Завершая своё первое историческое исследование, излагаемое в монографическом труде о восстании под руководством Емельяна Пугачёва, работая над стихотворным текстом «Медного всадника», Пушкин одновременно с этим закончил работу над «Сказкой о рыбаке и рыбке». Многозначительное и поучительное её содержание Александр Сергеевич пишет не для печати,

*А.С. Пушкин в своей статье об «Истории Пугачёвского бунта» в журнале «Сын отечества» в январе 1835 года написал: *«Я прочёл со вниманием всё, что было напечатано о Пугачёве, и сверх того восемнадцать толстых томов in folio разных рукописей, указов, донесений и проч. Я посетил места, где произошли главные события эпохи, мною описанной, поверяя мёртвые документы словами ещё живых, но уже престарелых очевидцев и вновь поверяя их дряхлеющую память исторической критикою»*.

а лично для Натальи Николаевны в качестве подарка.

После третьего путешествия, в пути которого он собирал тексты сказок и народных песен, поэзия и содержание мудрости в Русском Слове переполняли его впечатления. Он, словно играючи, выплёскивал череду скоротечных слов Русской Речи на бумагу. Работал Александр Сергеевич, не отходя от стола, и часто самого простого — чернил и бумаги — ему не хватало. В объёмном труде своего разнопланового творчества он приступил к сочинению первой части поэмы «Анджело». Работу над её текстом он закончил в Болдино 27 октября 1833 года. После издания поэмы в альманахе «Новоселье» в апреле 1834 года министр народного просвещения С.С. Уваров настоял на исключении из неё ряда стихов. Наиболее рьяные критики поэмы «Анджело» и болгаринские сторонники стали предрекать падение поэтического таланта у А.С. Пушкина. По поводу её содержания сам автор в письме сообщил Павлу Нащокину: *«Наши критики не обратили внимания на эту пиесу и думают, что это одно из слабых моих сочинений, тогда как ничего лучшего я не написал».*

Пребывая на государственной должности, Александр Пушкин не имел права раскрывать глубинное содержание своего сочинения. Он его скрывает, насколько хватает таланта не сказать откровенную правду о своей эпохе. В III

части поэмы угадываются характеристики двух персон правящей царской династии Гольштейн-Готторп-Романовых. В персонаже *«некто Анджело»* он отразил реальное лицо последнего наследника Павла I на царском престоле: *«Бледнеющий в трудах, ученье и посте, // За нравы строгие прославленный везде, // Стеснивший весь себя оградю законной, // С нахмуренным лицом и с волей непреклонной».* Предваряя многолетние споры будущих поколений, приоткрывая в своих произведениях фактическую историю судьбы императора Александра I, он кратко и определённо записал: *«Его-то старьей Дук наместником нарёк, // И в ужас ополчил, и милостью облёк, // Неограниченны права ему вручая. // А сам, докучного вниманья избегая, // С народом не протаясь, incognito, один // Пустился странствовать, как древний паладин».*

Верный своему обещанию Александр Сергеевич в Болдино продолжал развивать тему повести о Шванвиче, возникшую у него ещё 31 января 1831 года. Сюжет её о крестнике императрицы Елизаветы Петровны он услышал от генерала Н.С. Свечина. История судьбы подпоручика 2-го Гренадерского полка, попавшего 8 ноября 1773 года в плен к пугачёвцам, ставшего переводчиком у самозванного царя Петра III, захватила в свой творческий плен его писательское воображение.

Не получая в военном архиве доступ к «Следственному делу о Пугачёве», он собирал информацию из других архивных источников. Глубина и широта бунта казаков, переросшего в народное восстание, возвращает его к историческому труду, в котором он видит вступительную часть к «Истории Петра I». Работая над «Историей Пугачёва», в Оренбурге, после доверительного разговора с В.И. Далем и И.А. Соколовым, проведя ночь в доме И.Л. Тимашева, автор историю Шванвича переводит на второй план. На первый план своего замысла он вывел после посещения крепости Нижней Озёрной крепость Белогорскую. Сюда на верную службу Александр Сергеевич в начале повести отправил юного Петра Гринёва. После возвращения домой, узнав о мытарствах своей любимой Таши, связанных с переездом с летней дачи на зимнюю квартиру, доверяя воображению и фактическим отношениям в своей семье, он отправляет его первую любовь по пути борьбы за существование.

В литературном и историческом творчестве А.С. Пушкина нет ни одного «слабого сочинения». Основная причина резкой критики в его адрес исходила от поставленной от имени царя цели. Официальная власть негласно требовала от своих слуг и прислужников отрицательного воздействия на популярность поэта, прозаика и историографа А.С. Пушкина. Равняя его под себя, советники императора и

критики в конечном итоге проиграли противостояние с ним и с его гениальным творчеством. Антипушкинский авангард русофобов не смог одолеть гения Русского Слова. С 1833 на 1834 год Александр Пушкин, пребывая на вершине литературного Парнаса, совершал восхождение на исторический Олимп. Он взламывал и отбрасывал принятые стереотипы, навязанные масонскими идеями от иностранных мигрантов. В авангарде Русской Литературы и Русской Речи, противостоящем «европейскому» влиянию на население Русской страны, располагался А.С. Пушкин. Он обладал не только наступательной творческой энергетикой. Сведущие в литературном слове современники знали, что ум Александра Пушкина и его грандиозная работоспособность таили громаду творческого резерва. От него следовало ожидать любого выпада с любой стороны и в любую сторону.

После 1831 года поэт и прозаик Александр Пушкин стал крайне опасным явлением для дальнейшего пребывания Российской империи в ярме крепостного права. В тот год, летом, ему было известно о том, что на Сенной площади в Петербурге группа организованных поляков, переодетых в мужицкие одежды, раздавала людям деньги. Подстрекатели призывали нищих мещан столицы к холерному бунту. Польский, французский и турецкий след в поддержке народного восстания 1773-1775 годов был

им установлен и при его исследовании в Оренбурге. После 1812 года минуло около 20 лет. Поражённые Русской Армией западные монархии окрепли и осмелели в своём противостоянии Российской империи. После 1825 года прошло 6 лет. В Петербурге ожили и проявляли активность предатели национальных интересов России и их зарубежные пособники.

Читая критику и анализируя её, А.С. Пушкин интуитивно понимал тайное гонение на свой творческий труд. С конца 1833 года, не ожидая подвохов со стороны Николая I, он старался принять доступные ему меры личной и семейной безопасности. По этой причине он вынужден был неоднократно предупреждать Наталью Николаевну об опасности, исходящей от блистающей роскошью столичной аристократии. Он недвусмысленно предупреждал и читателей «Анджело»: *«Между законами забытыми в ту пору // Жестокий был один: закон сей изрекал // Прелюбодею смерть. Такого приговору // В том городе никто не помнил, не слышал»*. Клевета на творчество А.С. Пушкина в период правления Николая I добивалась весомых результатов, трафя интересам императора и членам кабинета правительства. Все они, нападавшие на творчество Пушкина, осознавали гений русского

литератора. Такова природа ничтожного существа. Допущенное на любой уровень властных полномочий бесталанное существо предпримет все возможные и невероятные усилия ради собственного пребывания у голенища высокой власти. Подобострастное и преданное двуногое существо, искусно ею прикормленное, будет рвать и метать всё и всех на своём пути, дабы доказать своё превосходство.

Ничтожество людского рода во все времена использует один и тот же метод. Не выбирая средства для достижения своей цели, оно стремится вскарабкаться на имя славного и известного обществу человека, обладающего высокими талантами. Принцип этого действия прост. Суетного и скандалившего рядом с именем гения не только видно, но и слышно. Его запоминают, имя его повторяют. В ином существо гадли* и не нуждается. Задачу, поставленную хозяином, оно выполнило. Имя власти прикрыло. За преданную службу получило подачку. Примером, по которому предметно и поимённо проследивается действие власти Николая I с использованием подлых существ гадли, будет судьба поэта А.С. Пушкина и его семьи.

Отсутствие главы семьи Пушкиных в Петербурге с августа по ноябрь 1833 года не исключало получение Александром Сергеевичем информации о развлечениях

*Гадли — слово от сокращённого восклицания «Ну не гад ли?»

Натальи Николаевны вне дома. До своего продолжительного отъезда он не препятствовал времяпровождению Натальи Николаевны в салонах столичных аристократов. Его тревожила иная ситуация, на основе которой возникла вероятность зарождения несущих зло слухов. Она исходила от чрезмерного внимания к жене со стороны царя на танцевальных развлечениях в Аничковом дворце. Муж и без доброхотов знал о естественном проявлении женского кокетства со стороны его Таши к тем, кто проявлял к ней повышенное внимание. Он знал и то, чего не знали другие. Наталья Николаевна обладала редкой способностью. Принимая независимый внешний вид, она отпугивала от себя назойливого ухажёра. Пример отторжения Натальей Николаевной он наблюдал на своём друге Сергее Соболевском. И всё же, упреждая неприятности, в конце 1833 года муж молодой красавицы стал более предупредительным.

Александр Сергеевич знал, что в его отсутствие Наталья Николаевна стала увлекаться светскими раутами. Рядом с ней появилась родственница Идалия Полетика. Эта женщина, претендовавшая, но не получившая роль примадонны в Аничковом дворце, определила сама себя наставницей жены Пушкина. Про жену кавалергарда Полетики осведомлённый Александр Пушкин знал многое из того, что претило наставничеству незаконной дочери графа Строганова.

Перед возвращением в Петербург Александр Сергеевич в письмах перешёл от отвлечённых рекомендаций к предупреждениям. В очередном из них он прямо заявил Наталье Николаевне: *«Я хочу немножко тебя пожурить»*. В своей излюбленной манере муж изложил жене выговор: *«Если при моём возвращении я найду, что твой милый, простой, аристократический тон изменился, разведусь, вот те Христос, и пойду в солдаты с горя»*. При написании письма у него разыгралось мужское воображение. Взбрыкнул в нём и ревнивый отцовский характер, переданный ему по наследству от Сергея Львовича Пушкина. Александр Сергеевич в силу импульсивного характера и проснувшегося чувства ревности, излагая замечание в адрес Натальи Николаевны, потерял самоконтроль за содержанием строчек своего письма. Тому способствовало и авторское воображение при написании поэмы «Анджело», в которой прочитывалась краткая, но точная характеристика Николая I.

Пребывание на удалённом расстоянии от дома в течение длительного времени не способствовало трезвому рассудку. Пушкину виделась податливая мужскому вниманию, как ему сообщали доброхоты, молодая красавица жена. Он ошибался и зря горячился. Николаю I в этот период было не до светских развлечений. В Москве осенью 1833 года действовала группа поджигателей.

Император вынужден был сам выехать из Петербурга и побывать вместе с генералом Бенкендорфом на местах особо опасных преступлений.

Волнуясь под воздействием собственного воображения, проявляя торопливость в изложении своего письма, Александр Сергеевич составил выговор Наталье Николаевне: *«Не мешай мне, не стращай меня, смотри за детьми, не кокетничай с царём»*. Более для собственного успокоения, нежели для её сведения, 30 октября он написал: *«Ты спрашиваешь, как я живу и похорошел ли я? Во-первых, отпустил я себе бороду; ус да борода – молодцу похвала; виду на улице, дядюшкой зовут. Просыпаюсь в семь часов, пью кофей и лежу до трёх часов. Недавно расписался и уже написал пропасть. В три часа сажусь верхом, в пять в ванну и потом обедаю картофелем да грешневой кашей. До девяти часов – читаю. Вот тебе мой день, и все на одно лицо»*.

О домогательствах бывшей любовницы и жалобах Ольги Калашниковой на нехватку денег Пушкин жене никогда не сообщал. Наталья Пушкина об этой женщине, пребывавшей рядом с её мужем со времён Михайловской ссылки, ничего не знала. Она волновалась за его здоровье после дальней дороги, спрашивала своего Сашеньку о том, как он живёт в Болдино. В ответ он подробно сообщил то, что реально происходило с ним

после приезда в отцовское поместье. Откровенные слова мужа к жене в письме оказали детонирующее влияние на взрывное содержание последующих событий. Полицейская мысль покойного М.Я. фон Фока о наказании Пушкина, высказанная им осенью 1831 года, оказалась намного живучей её автора.

Царский надзор, догонявший его через Казань, Симбирск и Оренбург, в Болдино его нагнал. Сергачинский земский исправник Званцов генерал-губернатору М.П. Бутурлину 11 ноября 1833 года в Нижний Новгород сообщил: «Сим имею честь донести, что Пушкин пребывание имел Лукояновского уезда в селе Болдине, имеющем расстояние от вверенного мне уезда не более трёх вёрст, во всё время пребывания его, как известно мне, занимался единственно только одним сочинением, ни к кому не ездил и к себе никого не принимал, в жизни его предосудительного ничего не замечено, а сего 9 числа он, Пушкин, отправился через Москву в С.-Петербург».

Прочтение этого очередного донесения указывает на одно очень существенное обстоятельство в государевой службе III отделения. К чести офицеров, служивших под началом генерала А.Х. Бенкендорфа, никто из них не ставил своей целью опорочить известное имя поэта Российской империи. Все они, исполняя служебную обязанность, в своих донесениях были объективными. Позиция почившего фон Фока,

направленная на дискредитацию имени А.С. Пушкина, осталась неисполненной. Офицеры тайной полиции придерживались установки от генерала А.Х. Бенкендорфа.

При внимательном рассмотрении донесений офицеров полиции, составленных на А.С. Пушкина, чувствуется не надзор, а способ обеспечения его безопасности от опасных соблазнов и отстранения от него неугодных противников. По этому поводу вспоминается рекомендация графа М.С. Воронцова, выписанная им для уволившегося со службы в Одессе коллежского секретаря Пушкина. Не личная ли его дружба с генералом А.Х. Бенкендорфом отразилась на надзоре за поэтом, более схожем с товарищеской заботой о талантливом литераторе Российской империи?

Начало второго, на этот раз тайного преследования А.С. Пушкина положило возвращение его из отпуска в Петербург. За три дня до своего отъезда из Болдино Александр Сергеевич написал Наталье Николаевне письмо. Муж, не скрывая тревоги, сообщил: *«Я скоро выезжаю, но несколько времени останусь в Москве, по делам. Жёнка, жёнка! Я езжу по большим дорогам, живу по три месяца в степной глуши, останавливаюсь в пакостной Москве, которую ненавижу, – для чего? Для тебя, жёнка, чтоб ты была спокойна и блистала себе на здоровье, как прилично*

в твои лета и с твоею красотою... Побереги же и ты меня. К хлопотам, неразлучным с жизнью мужчины, не прибавляй беспокойств семейственных, ревности и т. д.». Письмо – ответ мужа на письма жены. В нескольких его предложениях прочитывается многое. Главное в них – тревога за жену и семейное благополучие. Александра Сергеевича осведомили об активном обхаживании его жены Италией Полетикой, женой кавалергарда, дамой сомнительного поведения.

Наступивший ноябрь 1833 года стал для Александра Сергеевича месяцем тревожного предчувствия неведомой, но осознанно ощущаемой им опасности. Этот месяц усилил его нравственный вывод, явившийся ему 19 сентября в Оренбурге. К нему пришло начало глубокого понимания необходимости соблюдения нравственной чистоты между ним и Натальей Николаевной. Решительным шагом к осознанию стало сочинение поэмы «Анджело». В Оренбурге он испытал потрясение от рассказа о межличностных и родственных отношениях между полковником И.Л. Тимашевым и каторжанином А.Т. Соколовым. Не менее потрясающими были события в биографиях семей Тимашевых и Соколовых, оставшихся в прежних родственных и заботливых отношениях после 1774 года. Более всего на талантливого поэта повлияла информация о невероятной любви и преданности Афанасия Соколова жене Анне Соколовой

и сыну Ивану. В Оренбурге, где в огромном котле кровавых сражений кипел весь набор человеческих страстей, Александру Пушкину через 60 лет была ниспослана тема всепобеждающей любви, охранявшей русскую православную семью.

Вопрос в поэме «Анджело», записанный в слова Изабеллы *«Ужели господу пошлём неосторожно // Мы жертву наскоро. Мы даже и цыплят // Не бьём до времени. Так скоро не казнят»*, — сам по себе не приходит. Литературным воображением подобную мысль не представить. Она есть концентрированное представление об эпохе и об её реальных событиях. Властная энергетика эпохи имперского крепостничества, загнавшего народ земли Русской в крайнюю безысходность, явила причину и философию краткости жизни русского человека. Его общая панорама жизни складывается из частных. Частная жизнь подданного Российской империи, при всём многообразии, подчинена диктату законов самодержавной власти царя. Самое невероятное открытие А.С. Пушкина в период его путешествия с 17 августа по 18 декабря 1833 года состояло в том, что созидающий законы империи и властвующий над христианами царь свои же законы не исполнял, наместником Бога на Земле не состоял, жизнью праведника не жил. Выполняя обязанности императора, свои личные интересы он ставил превыше всех остальных интересов.

Поэту, драматургу и историко-аналитику Александру Пушкину не надо было объяснять про мгновение, при котором чужая зависть и стремление обладать чужой красотой чёрной тенью сопровождают смерть. Расстрел пугачёвцами девицы Харловой и её малолетнего брата, о котором ему рассказала Бунтова под Оренбургом, потряс, запомнился и уже никогда не покидал его чуткое восприятие и воображение. Казнь невинной молодой женщины и безвинного малолетнего мальчика проходила в условиях беззакония и отсутствия веры в Бога. О казни своей любовницы, поверившей ему, знал самозванный царь. Он не предотвратил беззаконие. А чем от него отличается званый на трон император России, не соблюдающий законы государства и не верующий в Бога?

В Москву из Болдинского поместья А.С. Пушкин приехал инкогнито. Кроме П.В. Нащокина, он никого в городе не посещал. За время путешествия, по воспоминаниям литератора и собирателя русских народных песен Петра Васильевича Киреевского, он отрастил не только усы, но и бороду, «в которой ему хотелось показаться жене». Отрастив бороду и усы с августа по ноябрь, скрывая свою внешность за дорожной и немодной одеждой, теперь он был почти неузнаваем. Прошлый опыт изменения внешнего вида способствовал его временному преображению и в родном городе.

Александр Сергеевич приехал в Петербург по адресу квартиры, арендованной его женой. Его встретил Никита Козлов. От него поэт узнал, что Наталья Николаевна пребывает в гостях. В дом Карамзиных, где она находилась, показаться на глаза гостей в пропылённой одежде, с усами и бородой, он не отважился. Пересев с коляски в семейную карету, подъехав к дому Карамзиных, он послал швейцара за Натальей Николаевной. Вызывать её пришлось дважды, так как она танцевала с князем Петром Вяземским. Про момент встречи с женой, после слов о высаженном около Москвы пьяном Гавриле, Александр Сергеевич в письме Павлу Воиновичу Нащокину сообщил: *«Жена была на бале, я за нею поехал – и увёз к себе, как улан уездную барышню с именем городничихи».*

Первая и долгая разлука и скука по любимой Таше у него при виде нарядно одетой жены в одно мгновение переросли в любовную страсть. Этому была веская причина. Вера Нащокина помнила восторг своего мужа, увидевшего однажды жену Пушкина «в роскошном розовом платье». Нетрудно представить взор её мужа-путешественника, направленный на красавицу жену, вышедшую на парадное крыльцо дома Карамзиных.

Прошло несколько дней после возвращения главы семейства к жене и детям. Оказалось, что

опасения Александра Сергеевича по поводу *«брюхатости»* Таши были не напрасными. Беременность красит женщину. Жена его воистину расцвела внешне. Её красоту дополняли роскошные наряды от родной тётушки Е.И. Загряжской. В «Приключениях лифляндца в Петербурге» их автор В.Ф. Ленц, увидевший первый раз Н.Н. Пушкину, был поражён её очаровательным видом. Он записал: «Вдруг, — никогда этого не забуду, — входит дама, стройная как пальма, в платье из чёрного атласа, доходящего до горла (в это время был придворный траур). Это была жена Пушкина, первая красавица того времени. Такого роста, такой осанки я никогда не видывал! Благородные, античные черты её лица напоминали мне Евтерпу Луврского музея».

Следуя тексту поэмы А.С. Пушкина, наместник старого, доброго Дука, тот самый некто Анджело, «бледнеющий в трудах, ученье и посте», всемерно скрывая, реально воспылал пламенем страсти. Пробуждению похоти венценосного Жуана была и естественная причина. Н.П. Романов заметил расцветающую и совершенную женскую красоту Н.Н. Пушкиной летом 1831 года в парке Царского Села. То обстоятельство, что она была женой известного поэта России, подогревало азарт любителя женских ласк.

В молодости генерал Николай Павлович юную Наталью

Гончарову увидел в первый раз в Москве ещё подростком. Девочка ему с тех пор и приглянулась. Из своего поля зрения он её никогда не выпускал. Теперь жена Пушкина выглядела великолепно и ласкала царский взор и мужское воображение. Самой Наталье Пушкиной, естественно, нравилось внимание к ней со стороны императора. К тому же не обделяла её вниманием и императрица. Молодая женщина не чувствовала опасности, таившейся при каждой её встрече с семейной царской четой. Мужской задор Николая Павловича воспламенялся интимной бедой, постигшей его жену Александру Фёдоровну. Постельные супружеские обязанности мужа и жены Романовых с 1833 на 1834 год получили полный врачебный запрет. Рекомендация оказалась категоричной и непререкаемой. В тонкости супружеского секрета царской четы, связанного с болезнью царицы, кроме лечащего врача, никто не посвящался. Никто из царского окружения не знал о вынужденном прекращении царицей супружеской обязанности в 37 лет от рождения. Словно предупреждая семейную чету Пушкиных, с 1833 года над ней нависла тень семейной трагедии молодожёнов Безобразовых. До начала наступающего 1834 года внешне в царской семье и в семье Пушкиных всё обстояло благоприятно и безоблачно.

Несмотря на неурядицы с деньгами, частую смену адресов проживания, отсутствие собственного жилья, семейную пару Александра Сергеевича и Натальи Николаевны шесть лет хранил добрый ангел. Он неустанно посылал отцу и матери семейное счастье рождения очередного ребёнка. С года свадьбы и до мая 1836 года жена поэта была ежегодно «*брюхата*». За годы короткой семейной жизни она одарила своего супруга счастьем рождения двух дочерей и двух сыновей.

Император Николай I не имел традиционных православных корней и православного духовного воспитания. Он не принадлежал ни к староверам православия, ни к реформированной Никоном Русской Церкви. На черте личной храбрости и волевом характере генерала инженерных войск возрос русский немец, внешне величавый царь Российской империи. Он спаситель династии Гольштейн-Готторп-Романовых от физического уничтожения сторонниками революции. Российская империя, перешедшая в Советский Союз, а затем в Российскую Федерацию, обязана ему продолжением своего исторического существования. Наряду с этой исторической заслугой ему суждено стать самодержавным властителем подданных Русской страны, непреклонно ведущим Российскую империю к национальной и куль-

турной катастрофе.* Выход Русской страны из состояния «рёва эволюции» с её возвращением к эволюции принадлежит гениям Российской империи. Николай I, в сравнении с его старшим братом Александром I, оказался человеком менее талантливым. Приостановив «рёв эволюции» в Петербурге, сохранив на правительственных постах бывших масонов и иностранных служебных мигрантов, он позволил ему распространиться по всем городам империи.

Судьба рода Пушкиных свела в Петербурге их потомка Александра Пушкина и его жену Наталью Николаевну с немцами, французами и австрийцами, авторитет которых у императора Николая I оставался непререкаемым. Изменить что-либо в этом А.С. Пушкин не мог. Добиваясь поступления на государственную службу, будучи сословным дворянином, он принял присягу перед русским царём-немцем Николаем I. После этого обязан был неукоснительно соблюдать её и подписанное им собственное обязательство. Пушкину предписывалось уважительное отношение к иностранным подданным, окружавшим царский двор. Таков был порядок и этикет в

Российской империи. Пушкин многое из того, что ему предписывалось, соблюдал. Значительную часть из предписанного он игнорировал.

Скотское отношение богатой части населения западных монархий к согражданам и рабам навязывалось дворянам Российской империи второй век. В Петербурге нравственная преграда ему отсутствовала. С юных лет младший сын Павла I, проводя своё становление в муках вырождающегося дворянства, никогда не придерживался основ семейной нравственности. Сына императора к этому никто не обязывал. У него был пример старших братьев, не гнушавшихся нарушать традиции и нравственные устои православной страны. Его не привлекала вера в Спасителя. Он никогда не благоговел к личностям, создавшим до него и в период его царствования образцы духовной и светской культуры России. Александру Пушкину со встречей с этим человеком, венчанным в 1826 году на царский престол, не повезло более всех иных подданных Российской империи. Николай I органически презирал поэта за всё, чем он обладал. Он проговорился об этом после

*Русская страна располагается в Северной Азии. Земля и вода, климат и природа её влияют на эволюцию населяющих её народов. Она была и остаётся Гипербореей за Рифейскими горами. Под влиянием миссионеров католических стран, подаваясь масонской западной теории Ренессанса, боярство, а затем и дворянство, проводя слом эволюции России, вывели её народы к протестному «рёву эволюции». В его основу заложен искусственный генератор краха цивилизации человечества. Духовный посыл Нового Завета более двух тысяч лет приносит народам России о том своё предупреждение. Оно направляет гения к поиску выхода из тупика «рёва эволюции».

первой встречи с русским литератором, освобождённым им из ссылки в Псковской губернии. Его неуважение к А.С. Пушкину распространялось на богатство его творческой энергии и на бедность его сословного рода, на обладание красивой женой и на его внешность, на славную известность среди народа и на отвагу, решительность и непокорность. Единственный человек, кто догадывался об этом, был сам Александр Пушкин. Остальные дворяне трепетали перед императором, славили и восхваляли его имя за внимание к непокорному литератору. Александр Пушкин, по причине того, что принял присягу Николаю I и предоставил ему подписку в своей покорности, вынужден был скрывать всё то, что он знал про него и про его диктаторский характер. Обещанный царём «горшок с кашей», о котором Пушкин вынужден был напоминать, с лета 1832 года позволил его семье держаться на плаву ещё четыре года. Выделяемые императором ссуды из казны на издание литературных произведений Пушкин должен был возратить. Полученные ссуды от царя имели и итоговую символичность. Написав карандашом поэту своё последнее послание, по сведению В.А. Жуковского, Николай I затребовал вернуть ему записку, прочитанную умирающим А.С. Пушкиным. Преследуя объективность,

следует сказать, что ссуды царя, как и его записка, не имели для Александра Пушкина в конечном итоге никакого значения.

Для именитого поэта требовалась прислуга, большая квартира в центре столицы, экипаж, лошади, конюшня, дрова на зиму, на лето — престижная дача. Труд профессионального литератора, на обеспечение которого требовались деньги, у историографа оказался более затратным, нежели доходным. Для издания произведений требовались взносы владельцам типографий. В долг книги не печатались. Для печати следовало представить свою бумагу. Конкуренция в печатном деле практически отсутствовала. Существовала монополия. Русский поэт Александр Пушкин первым из литераторов Российской империи далеко не на белом коне въезжал в новые капиталистические отношения, проникающие в Россию с просторов буржуазной европейской цивилизации. Труд русского литератора со стороны государственной власти Российской империи и лично императора Николая I оказался невостребованным.*

В 1833 году вся государственная деятельность императора прошла в соответствии с рекомендациями от членов правительства и их советников. Заграничная дипломатическая миссия во главе с ним положительных результатов не дала. А.С. Пушкин,

*В архиве среди документов А.С. Пушкина сохранились листочки с его подсчётами, вплоть до копейки, приходно-расходного семейного бюджета.

занимаясь изучением архивных документов, в этом году получил массу информации по истории внутренней и внешней политики Российского государства. Доверительные беседы на эту тему с высшими офицерскими чинами в Петербурге, а затем в Казани, Симбирске и Оренбурге дополнили документальные сведения. В процессе поездки и в период пребывания в Болдино, создавая новые шедевры, Александр Сергеевич прочувствовал и осознал свой вклад литератора и исследователя в историю культуры Российской империи. Пушкина ждало от этого осознания не радость, а разочарование. Его представление о себе и своём титаническом труде никак не совпадало с интересами противников и врагов его творчества. Полное разочарование постигло его в тот момент, когда он понял позицию, которую занял Николай I в отношении его самого. Осознание перемен своего положения в царском окружении вначале прорвалось у него в новые поэтические произведения.

Отставляя в сторону исполнение плана по написанию монографии по истории Петра I, работая над составлением монографии «История Пугачёва», он сочинил в октябре поэтическую повесть «Медный всадник» и поэму «Анджело». О кропотливом труде над сочинением «Медного всадника» свидетельствуют черновики автора. Каждый из 500 составленных им стихов этой

петербургской повести он неоднократно переписывал и дорабатывал. Иные подвергались переработке до 10 раз. Александр Сергеевич добивался реального чувства пребывания в придуманном им сюжете из истории Петербурга. Тексты стихотворной повести «Медный всадник» и поэмы «Анджело» свидетельствуют о появлении в общественной и политической жизни русского общества активного историка и публициста, владеющего фактической правдой о событиях в Российской империи.

Итог болдинского труда опережали слухи. Среди литераторов Петербурга в зиму 1833 года стало известно о приезде Александра Пушкина из болдинского отпуска с тремя новыми поэмами. В беседах между собой писатели столицы особо активно обсуждали повесть «Выстрел» из цикла «Повести покойного Ивана Петровича Белкина» и стихотворную повесть «Медный всадник». П.А. Вяземский оповестил 10 декабря И.И. Дмитриева о том, что «Пушкин привёз с собою несколько тысяч новых стихов, в двух или трёх маленьких поэмах, и поделился с нами своею странническою котомкою».

Противоположный злобный полюс, искрящийся завистью и негодованием, также активно среагировал на его возвращение в Петербург. До сведения недоброжелателей к этому сроку дошёл и распространился слух о том, что должность титулярного советника

он выпросил у царя. Секрет получения невысокой государственной должности IX ранга, предложенной императором, откроется трудами историков русской литературы только во второй половине XX века. Ими вскроется и вторая неприятная для поэта сторона обещанной царём должности. Проявив интерес к «горшку каши», обещанному Николаем I, вызвавшись вернуться на государственную службу, Александр Сергеевич, не обдумав до конца последствия, изначально связал себя и свою жену с желаниями царя.

Царь — помазанник Бога. Дворяне — его подданные. Дворяне, поступившие на государственную службу, обязаны ему вдвойне. До начала XX века далеко не многие из почитателей творчества А.С. Пушкина отважились говорить правду об особенностях личности Николая I, русофобы ограничили восприятие его личности двузначной кличкой Палкин. Император Николай I обожал и приветствовал лесть в свой адрес. Ему был приятен страх подданных. Предприниматель Н.Е. Врангель лаконично и точно зафиксировал нравы дворян николаевской эпохи: «Николая Павловича современники его не «боготворили», как во время его царствования было принято выражаться, а боялись. Отсутствие проявления внешнего обожания государя граничило с государственным преступлением. И постепенно это заказное чувство,

необходимая гарантия личной безопасности, вошло в плоть и в кровь современников, а затем было привито и их детям и внукам». Цезарь-цензор, следуя предложению своих советников, подготовил поэту первый психологический удар присвоением ему чина. Этот чин предусматривал полное и прямое подчинение А.С. Пушкина не только императору, но и высшей аристократии его правительства. Кроме унижения, у царской интриги была и вторая сторона замысла, одобренного Николаем I. Чин, присвоенный Пушкину, в определённой части условно возвышал жену над его положением. Дворянин с этим чином, облачённый в купленный им мундир, обязан в сопровождении своей жены посещать все мероприятия, проводимые императором и императрицей.

Первый тревожный колокольчик для поэта прозвенел после прочтения цезарем-цензором его поэмы «Медный всадник». Генерал А.Х. Бенкендорф 14 декабря 1833 года вызвал в свой служебный кабинет титулярного советника А.С. Пушкина. Он передал поэту текст поэмы с пометками и замечаниями от цезаря-цензора. Автор, ознакомившись с ними, отказался публиковать своё сочинение. Замечания и пометки, внесённые императором, полностью исказили основной замысел произведения. О чём говорили поэт и посредник, неизвестно. При их встречах никто и никог-

да не присутствовал. Известно главное. Поэт отверг все пометки цензора. Он знал, что поэма будет издана и что никто её текст никогда не исправит. Сейчас же его заботил сюжет романа, задуманный изначально про подпоручика М.А. Шванвича*. После пребывания в Оренбурге с 18 по 20 сентября он изменён в корне. По пути в Уральск, в период осмотра крепости Нижней Озёрной, состоялась привязка сюжета к местности и к названию крепости Белогорской. Канва романтической повести жила и ширилась. Автор с каждым месяцем предчувствовал, что он работает над очередным литературным шедевром. С периода пребывания в Болдино Александр Сергеевич, словно опасаясь за неприкосновенность своих выдуманных и реальных героев, ни с кем не делится мыслями о написании им романа.

Книгоиздатели знали об ожиданиях и потребностях читателей во всём, что он сочиняет. С 1833 года они соглашались на условия, которые требовал он за свой труд. Запросы читательской аудитории на этот раз перекрывали суммы денежных средств на издательство его сочинений. По записи П.В. Анненкова известно, что «Смирдин платил Пушкину по 11 р. за стих и 1 000 заплатил

за «Гусара». Смирдин предлагал 2 000 рублей в год Пушкину, лишь бы писал, что хотел». Александр Сергеевич трудился над своими сочинениями не покладая рук. Теперь он не отвлекался на посторонние занятия и развлечения прошлых лет.

Из Болдинского поместья Пушкин для жены привёз в подарок новое стихотворное сочинение. Александр Сергеевич лично для Натальи Николаевны и своих детей в деревне сочинил «Сказку о рыбаке и рыбке». Текст её хранился в семье полтора года. С позволения жены текст поучительного сказочного сочинения, списанного из реальной жизни, поэт передал в журнал «Библиотека для чтения». На семейном совете они решили посвящение к тексту сказки при её издании не проставлять. Наталье Николаевне достаточно было знать от Александра Сергеевича только то, что она его «золотая рыбка». Кто старик, а кто старуха, пусть читатели думают в зависимости от уровня своих знаний и глубины своей семейной нравственности. С какой стороны и куда скрипели по снегу полозья саней в «Мороз и солнце; день чудесный!» знал их пассажир. Нравоучительная сказка в стихах поступила к читателям России в 1835 году.

*Михаил Александрович Шванвич (1749–1802) – лейб-гвардеец. В пьяной ссоре ранил Алексея Орлова. Шванвич отправлен в Оренбург за провинности на службе. Участник войн. С 1773 года он произведён в подпоручики. После пленения пугачёвцами в ноябре 1773 года за Шванвича заступились гренадеры. После присяги «Петру III» стал есаулом, секретарём и переводчиком Е.И. Пугачёва. В марте 1774 года сбегал с Бёрд и явился в Оренбург. Скончался в ссылке в Туруханске в 1802 году.

Поэт

Накануне 1834 года А.С. Пушкин предчувствовал беду. При этом, до конца не веря в вероятность её происхождения, он увлечённо работал над поэмой «Езерский». Перо поэта ваяло на бумаге грандиозное сочинение, отражая очередной сюжет, порождённый его творческим воображением из реальной жизни. Сочинение поэмы обостряло его предчувствие надвигающейся беды. Сквозь абсолютную прозрачность слов он, подобно астроному, наблюдающему звёзды через телескоп, рассматривал глубинное содержание смысла собственных фраз. Он видит необозримое пространство Вселенной Русской Речи. Он многое слышит в их гармонии. Опережая время, о многом узнаёт из содержания выстроенной им вертикали столбцов русских слов.

Русскому литератору Александру Пушкину открывалось глубинное созвучие звуков, которые в прошлом были сотворены вертикалью предков различных племён народов Древней Руси. Поэт почувствовал обратную связь в работе с Русским Словом. Теперь он не только думает и говорит стихами. Его поэзия начинает беседовать с ним самим. Отвечая на прикосновение гения к своему содержанию и значению, Слово участвовало в сотворении вместе с ним. В ответ на происходящее Поэт вострубил свою горестную славу поэтической свободе: «...ветру и орлу

//И сердцу девы нет закона. // Гордись: таков и ты, поэт, //И для тебя условий нет». В этот миг ему понятен закон сотворения. Он достиг уровня, после которого ему уже не нужно беседовать с кем-либо, кроме очередных замыслов, бесконечной вереницей стоящих перед его взором.

В творческой работе с Русским Словом Поэт вырвался из объятий повседневности к своей мечте. Он пребывал в условиях полной и безграничной свободы. С этого мгновения он знает, что Русское Слово и его математическое содержание не исчерпало себя и никогда не исчерпает. В своём содружестве слово и математика — явления вечные и бесконечные. Поэту явлено особое открытие. В Русском Слове заключена энергетика, способная привести в движение жернова неведомого механизма, перемолоть всё враждебное и безнравственное, отрицаемое Богом. У Слова нет преград. У Поэта нет свободы в его безграничном творчестве. Судьбе Александра Пушкина 1833 год явлен вершиной его природного дарования. Разрушением её с 1834 года занялись все презиравшие Русское Слово. Презрение и ненависть к культуре Русской Речи с этого года переадресованы на её носителя — на Поэта Александра Пушкина. После 1833 года его реальная жизнь содержала минимум радостей и максимум бытовых забот. У него начиналась череда горестных личных и творческих потерь. С одной стороны

его сопровождали естественные потери в семье и среди друзей. С другой — неприятности, искусно создаваемые слугами царской власти. Цензор А.В. Никитенко, не знавший глубину противостояния царского правительства и Николая I творчеству А.С. Пушкина, после представления министру сочинения «Анджело», в свой дневник 9 апреля 1834 года записал: «Прежде государь сам рассматривал его поэмы, и я не знал, имею ли я право цензурировать их. Теперь министр приказал мне поступать в отношении к Пушкину на общем основании. Он сам прочёл «Анджело» и потребовал, чтобы несколько стихов были исключены». До начала ревизии содержания и смысла новых сочинений Поэта теми, кто сам не обладал поэтическим даром и не достиг уровня его мышления, ему последовало нанесение несправедливого унижения. Тревога А.С. Пушкина за итоги своего творчества списана с окружающей природы. Она нашла отражение в строках «Езерского» (*Над омрачённым Петроградом // Осенний ветер тучи гнал, // Дышало небо влажным хладом, // Нева шумела. Бился вал...*), весьма схожих со строками «Медного всадника». Тревога подтвердилась. Цезарь-цензор не пропустил к печати поэму, которую автор написал в порядке ответа Адаму Мицкевичу на его «Дзяды».

Александр Пушкину понятно, что его желание противостоять натиску иностранных

изданий на Русскую Культуру перечёркнуто императором. Книжки иностранных авторов, ярких литераторов, но ярких русофобов, запрещённых к изданию у них на родине, открыто продавались в Петербурге и Москве. Русский читатель со страниц книги Вальтера Скотта продолжал изучать историю Наполеона и его величие для мировой цивилизации. Выпущенная на волю разговорная Русская Речь, словно птица, стала биться своим литературным воплощением о невидимую преграду прозрачного стекла. В текст письма к Михаилу Погодину Александр Пушкин внёс 7 апреля 1834 года первые ноты своего отчаянного положения: *«Вообще мною пишу про себя, а печатаю поневоле и единственно для денег: охота являться перед публикою, которая Вас не понимает, чтоб четыре дурака ругали Вас потом шесть месяцев в своих журналах только что не по-матерну. Было время, литература была благородное, аристократическое поприще. Ныне это вишивый рынок. Быть так».*

Успокоением и радостью Поэта накануне 1834 года оставалась его семья. В доме Пушкиных звенели детские голоса дочки Маши и сыночка Саши. Рядом с Александром Сергеевичем повседневно находилась преданная и любящая его Наталья Николаевна. Мысль о том, что её красоту будут использовать против него и его творчества, он

никак не допускал. На подобный злобный выпад русский человек не способен на генетическом уровне и по принадлежности к православной морали. Подобного враждебного нападения на своего подданного со стороны кого-либо не допускал и император Николай I. О том, что красоту России её непримиримые враги способны направлять против неё же самой, не догадывался ни один из современников Александра и Натальи Пушкиных. Первое осознание происходящего пришло с опозданием... Коллекционер Александр Фёдорович Онегин, родившийся в 1845 году в Царском Селе, под-

метил особенность внешнего облика Н.Н. Пушкиной: «Слишком приметна была она и как жена гениального поэта, и как одна из красивейших русских женщин. Малейшую оплошность, неверный шаг её немедленно замечали, и восхищение заменялось завистливым осуждением, суровым и несправедливым».

После 1833 года минуло 190 лет. Суждение о том, что замечание А.Ф. Онегина было принято методом и средством для поражения творчества и имени Русского Гения А.С. Пушкина, в России не стало определяющим до настоящего периода XXI века.